

МАРИЯ ПОКУСАЕВА

ЗЕРКАЛА
ТЕМНАЯ
СТОРОНА

16+

Мария Николаевна Покусаева

Зеркала. Темная сторона

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67036650

SelfPub; 2022

Аннотация

Спасаясь от чудовища, я прошла через зеркало и оказалась в мире, полном магии и... других чудовищ. Меня зовут посланницей Богини и обещают безмятежную жизнь, веселые приключения, а потом – щедрую награду и возвращение домой. Но красивая сказка стала зловещей, прекрасные принцы оказались коварными интриганами, а единственный, кому я могу доверять – темным чародеем, у которого свои планы на девушку из другого мира. Но уж лучше он, чем Хозяин Зимы и пугающие создания Изнанки. А может, не надеяться на покровителя и сыграть в собственную игру? Игру зеркал, древней магии и страшных тайн...

Второй том "Зеркал".

Содержание

Найденыш	7
Опасные чары	54
De Profundis	97
Конец ознакомительного фрагмента.	157

Мария Покусаева
Зеркала. Темная сторона

Найденыш

По паркету растекалась мутная вода.

Ее было много, этой воды, холодной, с мелким ледяным крошевом. Она расплзлась тонкой пленкой, пятном, похожим на зеркало с испорченной амальгамой, способное лишь на слабые, неверные отражения.

Леди Лидделл лежала на полу и не дышала. Все еще не дышала и даже не собиралась дышать. Вода была у нее во рту, волосы промокли, а рубашка превратилась в грязно-серую тряпку, неприятно холодную и тяжелую.

Кондор прижал ладонь к ее груди, направил поток силы

так, чтобы дыхание вернулось как рефлекс, как память тела – и только тогда девушка, наконец, перевернулась набок и зашлась в приступе кашля, выхаркивая остатки воды из себя. Мерзкой, холодной, потусторонней воды.

Это было... хорошо. Очень хорошо.

Леди Лидделл совершила, пожалуй, самое опасное и невероятное путешествие в своей недолгой жизни и вернулась из него живой. И целой. По крайней мере – физически.

Оставалось надеяться, что та река, в которой она побывала, была просто рекой, текущей на два мира, и, нахлебавшись её вод, Мари не потеряет память, рассудок или саму себя. Не отрастит крылья. Не начнёт испытывать голод того рода, который человеку испытывать не полагается. Не сойдёт с ума, убиваясь в тоске, причин которой сама не знает.

Мари открыла глаза – на несколько секунд. Взгляд ее не был осмысленным, но и неправильным, чужим он не был – просто взгляд человека, который еще не пришел в себя. Не кого-то, кто притворяется человеком.

С той стороны редко отпускают просто так, если сами не хотят отпустить, и что бы ни сделала глупая леди Лидделл, это было немислимо. Почти невозможно для кого-то вроде нее. Очень сложно, если знать, кто и как охранял входы и выходы, все особые двери в замке.

Последнее вызывало ряд вопросов – и не только к леди Лидделл.

Но прежде, чем приводить леди в сознание и задавать все

эти вопросы, стоило бы ее согреть. Способов сделать это имелось не то чтобы много, и вода – не ледяная, а теплая – была самым простым.

Тяжело вздохнув, Кондор подхватил девушку на руки. С подола ее рубашки, с кончиков волос капала вода, руки безвольно повисли, голова откинулась назад. В волосах застрял мелкий мусор, какие-то веточки и мертвые листья – странный подарок оттуда, где она побывала.

Ванна наполнялась медленно. Ни на что уже не годную рубашку с леди Лидделл пришлось снять, не думая о том, что Сильвии, пожалуй, сейчас не до того, чтобы нести через половину замка смену белья для госпожи. Об этом можно будет подумать потом. Когда кожа замерзшей девушки перестанет напоминать по оттенку грязное полотно.

Фэйри вывалился из воздуха слева, почти над плечом Кондора. Он сделал это настолько неуклюже, что едва успел раскрыть прозрачные крылья, чтобы не брякнуться о пол. Кондор усмехнулся и протянул ладонь в сторону – прозрачный кристалл лёг в его руку. Обжигающе холодный.

– Где нашёл?

– Лежал у кровати, – ответил пикси, всматриваясь в сторону ванны. Впрочем, одного нахмуренного взгляда мага хватило, чтобы фэйри сосредоточился на важном, а не на голых женских коленях и... всем остальном. – Она сняла его сама, точно вам говорю, милорд.

Ну и дура.

Фэйри, почуяв, что ему дали свободу болтать, затараторил:

– Ваша страшная женщина в панике, милорд. Просто в бешенстве. Я боюсь попадаться ей на глаза...

– Неудивительно. – Мельком глянув на амулет и удостоверившись, что с кристаллом и заложенными в него заклятиями все в порядке, Кондор убрал его в карман. – Она не должна была впускать никого... Но не могла не выпустить свою госпожу, раз та этого захотела. Что с той стороны, Ахо?

– Изнанка молчит. – Стрекот крыльев фэйри раздался над правым ухом – Ахо, как любой другой пикси, долго на одном месте находиться не мог. По крайней мере, в истинном облике. – Молчит так, словно по ней прошёлся кто-то очень сильный... Перед кем все твари замерли в страхе и трепете. Кажется, ваша злая женщина тоже боится этого, милорд. И оттого сильнее злится.

Кондор промолчал в ответ, стараясь не выдать свой страх – и все остальные чувства. Показывать их фэйри, даже мельком, нельзя: дай почуять слабинку, как эти твари вмиг заморочат тебе голову, пользуясь моментом. Ахо, конечно, был связан гейсами по рукам, ногам и крыльям, но кто сказал, что он не будет искать лазейку – просто так, из любопытства, из искусства делать мелкие пакости?

– Передай Сильвии, что все... хорошо, – сказал Кондор, едва удержавшись, чтобы не добавить: «Насколько вообще уместно говорить про «хорошо» в этой ситуации». – Я все

контролирую.

Пикси замер.

– Она меня точно не сожрёт?

На крошечном лице фэйри отразился другой вопрос.

«А ты вообще уверен, что хоть что-то контролируешь, дурак?»

– Меня же не сожрала, – сказал Кондор. – До сих пор.

Ахо что-то проворчал и исчез в пространстве. Он, кажется, наслаждался вновь обретенной возможностью перемещаться с помощью магических потоков, ныряя в пустоту и моментально оказываясь совсем в другом месте – был бы маяк. Кондор проследил взглядом за легким колебанием воздуха, отметившим разрыв, и сел на пол, привычно скрестив ноги.

Вода – отличный проводник для магии.

Нужно было только дотронуться пальцами до поверхности, позволив силе спокойно стекать, и видеть, как мертвенно-бледная кожа Мари чуть заметно розовеет.

Мне снилась темнота.

Что закрывай глаза, что не закрывай – ничего не менялось. Сплошная густая тьма. Беспросветная. Пустая. Я шла по чему-то гладкому, ровному, вытянув руки вперед, в на-

дежде и ужасе ожидая, что рано или поздно столкнусь с чем-то в этой тьме, но пустота длилась и длилась. Длилась и длилась.

Длилась и длилась.

А потом я проснулась.

Я лежала, тяжело дыша, и смотрела куда-то в потолок. Тепло странно ломило, как после скачка адреналина, в висках стучала кровь – страшный сон брал свою плату.

Когда сердце перестало бешено колотиться, я поняла, что нахожусь не там, где заснула.

В воздухе остро пахло дымом от фитиля погасшей свечи – одной из трех в подсвечнике, стоящем на комод у кровати, в которой я проснулась. Призрачная серая нить почти растаяла в воздухе.

И комод, и кровать, и комната были не мои. Чужие. Но знакомые. Я уже была здесь и однажды даже просыпалась. Правда, в тот раз на мне было куда больше одежды.

Я почувствовала, как от стыда вспыхнули щеки, и натянула одеяло едва ли не на нос. На мне была чужая рубашка – шире, чем нужно, в плечах, рукава слишком длинные, поэтому их заботливо подвернули. Нервно вздохнув, я подтянула колени к груди и обхватила их руками, ткнувшись в одеяло носом.

Память молчала.

Все, что произошло после того, как я заснула в своей комнате, выпив последний глоток волшебного зелья, оставалось

для меня тайной. А сейчас я невероятным образом проснулась в постели Кондора, в его, черт возьми, рубашке и хорошо, что в своих трусах. И, наверное, хорошо, что одна.

Я потеряла глаза, понимая, что в моей голове все это не укладывается.

Пальцы судорожно сомкнулись на вороте рубашки.

Где-то на периферии сознания я заметила, что зеркало на стене занавешено плотной темной тканью.

Погасла вторая свеча, и тут же кровать сбоку прогнулась, словно на нее кто-то сел. Я обернулась и чуть не подскочила от испуга. На кровати сидел кот, кажется, тот самый, которого я видела в таверне. Кот смотрел на меня, прищурившись и приподняв одну лапу, как будто хотел сделать шаг в мою сторону, но не решался. А я смотрела на кота, боясь пошевелиться, потому что в его напряженной позе мне чудилась готовность к хищному прыжку.

Раньше тут никаких котов не было.

Я вообще не видела в замке никаких животных. Даже крыс и пауков.

Кот разглядывал меня некоторое время, потом осторожно шагнул и шевельнул усами, принялся. Кажется, любопытство перевесило подозрительность: кот оказался рядом и вытянулся, поставив мне лапы на колени и едва ли не ткнувшись мордой в лицо. Я отшатнулась, он чихнул и облизался, отвернувшись, а потом спрыгнул с кровати – только роскошный черный хвост метнулся, исчезая в тених где-то рядом с

платяным шкафом.

Это стало тем, что вывело меня из ступора.

Я спрыгнула с кровати, смахнула с нее плед, которым меня укрыли поверх одеяла, обернулась им так, чтобы хоть как-то колени прикрывал, и, чувствуя легкий сквознячок по босым ногам, подхватила с комода подсвечник. Если не ради освещения, потому что ума хватило щелкнуть пальцами и зажечь кристаллы, то хотя бы как подобие защиты от того, что могло мне встретиться. Последняя свеча зашипела, когда я шагнула к закрытой двери. Воск выплеснулся, пара капель обожгла кожу, но свеча не погасла.

Я подергала ручку и толкнула дверь – заперто.

Черт.

Черт, черт, черт!

«А если разбить дверь подсвечником, – подумала я, упрямо и зло пытаюсь повернуть ручку, – это потянет на полгода в шкуре жабы или меня на месте придушат?»

Дверь распахнулась сама. Я не удержалась и неуклюже пролетела вперед – слишком уж неожиданно это было – и чуть не врезалась носом в Кондора, растрепанного, очень сонного на вид, но достаточно быстрого, чтобы подхватить меня. И подсвечник.

Подсвечник он у меня забрал прежде, чем я успела что-то предпринять. Держа его одной рукой, а другой придерживая меня за талию, Кондор впихнул меня обратно в спальню и закрыл дверь.

Я очень быстро отошла в сторону.

Мы застыли друг напротив друга и стояли так молча. Я не знала, что сказать. Все, чего мне хотелось, это обрушить потолок на голову одного волшебника, который постоянно появляется после того, как я теряю кусок памяти. Или рядом с которым моя память постоянно сбоит.

Края пледа я сжала настолько сильно, что пальцы начали ныть.

Кондор тоже молчал с каким-то обреченным спокойствием и пристально рассматривал меня, закусив нижнюю губу. Он был без жилета, в рубашке с подвернутыми почти до локтей рукавами и очень напоминал человека, которого только что разбудили.

Наконец, волшебник провел рукой по волосам, убирая их со лба, и тяжело вздохнул.

Неловкое молчание было разрушено.

– Если честно, с канделябром в руках ты выглядишь более чем грозно, – с легкой усмешкой сказал Кондор. – Тс-с, милая, даже не думай, – добавил он, заметив, что я потянулась к одной из книг, лежащих на комод. – Я не сделал ничего, чем заслужил бы твой гнев.

– Да-а? – протянула я, поплотнее запахивая несчастный плед.

– Да, – ответил он и, стремительно преодолев расстояние до комода, вернул подсвечник на место. – Более того, я готов принести самые искренние извинения, если леди считает се-

бя оскорбленной действием. Это не сарказм, если что.

Он наблюдал, как я с опаской сажусь на край кровати.

Я сложила руки на коленях и посмотрела на Кондора, поджав губы. Ну, давай, рассказывай, господин волшебник, что еще произошло.

– Я не хочу тебя пугать, но моя комната сейчас самое безопасное место в замке, – сказал господин волшебник и скрестил руки на груди. Кажется, ему тоже было неудобно. – По всей видимости, ты считала так же, поэтому пришла сюда.

– Да? – Я вопросительно подняла бровь. – Никогда не страдала лунатизмом.

– Это не лунатизм, – резко ответил Кондор и зло сощурился. – Или ты думаешь, что я выкрал тебя из твоих покоев? Серьезно?

Я развела руками.

Кондор медленно выдохнул.

– Мне, знаешь ли, есть чем заняться, вместо того чтобы издеваться над незащитными девицами, Мари, – сказал он с тем спокойствием, которое обычно дается усилием воли. – Ты ничего не помнишь?

Его голос вдруг смягчился, словно до волшебника дошло, в чем дело.

– Именно что, Кондор, – холодно ответила я. – Я опять ничего не помню.

Сквозняк, гуляющий по полу, коснулся моих ног, и я вздрогнула, вспомнив, что где-то под шкафом или кроватью

может прятаться черный кот. Не слишком дружелюбный. Я поежилась.

– В этот раз к провалам в твоей памяти я не причастен. – Кондор потрянул головой. – Но я знаю пару безболезненных способов подстегнуть воспоминания, и если ты не против...

– А просто сказать мне, что случилось, ты не можешь?

Он посмотрел на меня удивленно, словно я только что сказала невероятнейшую чушь или наоборот – предложила простое, лежащее на поверхности решение, о котором кое-кто очень умный и сообразительный даже не подумал.

– Ты... как бы это сказать... – Кондор снова провел рукой по волосам. В этот раз жест выглядел нервным. – Ты побывала на Изнанке мира и вернулась. Вышла из зеркала в моем кабинете.

...я упала вниз, спиной в воду. В черную холодную полынью...

Пальцы крепко сжали плед.

– То есть... сложно назвать это «вышла», – продолжил волшебник. Он почему-то отвел взгляд в сторону. – Я вытащил тебя оттуда. Из холодной воды.

...в черную холодную полынью. Течение реки подхватило меня и затянуло под лед. Я цеплялась пальцами за его острые края, лед ломался, меня тянуло все дальше и дальше, туда, где лед становился прочнее, и сколько я ни была по нему – не поддавался...

– Мари?

...а потом я вспомнила, что в этом мире много дверей, а вода так похожа на зеркало, а значит, есть выход...

Я не смогла ответить – у меня во рту была вода. Много воды. Холодной, с маленькими осколками льда, от которых сводило зубы и немел язык. Я попыталась проглотить ее, но закашлялась, вода пролилась мне на колени, прямо на плед и сквозь него, а кашель сложил меня пополам. Было не больно – неприятно.

И почему-то стыдно.

Кондор оказался рядом очень быстро. Он опустился на колени напротив меня и положил ладонь мне на затылок.

– Сейчас пройдет, – тихо сказал волшебник. – Потерпи немного.

Он сунул мне в руку непонятно откуда взявшийся платок, который я приложила ко рту. Ладонь на затылке была неподвижной, я чувствовала только легкое тепло и щекотку, бегущую вдоль позвоночника.

Все исчезло так же внезапно, как началось.

Не прекратилось – исчезло, словно ничего и не было. Я держала у рта совершенно сухой платок, плед на коленях тоже был сухим, а колени упирались Кондору в грудь, и это, кажется, смутило нас обоих.

– Это иллюзия, – сказал волшебник. Он отстранился – убрал руку с моего затылка и сел, скрестив ноги, передо мной. – Изнанка не любит отпускать сразу, а с твоего возвращения прошло от силы пара часов. Но если давать таким

иллюзиям власть над собой, они обретают плоть и становятся опасны.

Я кивнула в ответ, словно что-то поняла, и судорожно сжала платок.

– Голова не кружится? Нет ощущения, что ладони горят? – в голосе Кондора была тревога, более чем явная.

Я помотала головой.

– Мне это не снилось, – сказала я.

Это был не вопрос – утверждение, сказанное себе самой.

– Нет, милая, – устало ответил Кондор. – Что бы ты там ни видела, это был не сон. Если почувствуешь себя... странно, говори мне тут же. Боюсь, это еще не конец.

Он встал с пола и куда-то пошел, я не смотрела, куда. Мой сон, который не был сном, пронесился перед глазами от самого начала и до конца, до того момента, как я оказалась на камне у реки – и упала в реку. Реалистичный до одури, полный мелких подробностей, холодный и страшный – не сон, а что-то другое. Что-то, что с трудом укладывалось в голове.

Кондор подошел к зеркалу и снял ткань, которая его закрывала.

– Ты всех нас напугала, – сказал он, перекидывая черное полотно через плечо. – Особенно Сильвию. Она, бедняга, не могла не выпустить хозяйку, даже если хозяйке вздумалось отправиться среди ночи на опасную прогулку. – Кондор повернул голову в мою сторону. – Я не знаю, как тебе удалось обойти ее гейс, Мари, но нам лучше найти эту лазейку. Что-

бы тебя снова не увели у нас из-под носа. А, вот и наш страж.

Со своего места я не могла видеть, что было в зеркале, но в какой-то момент мне показалось, что силуэт Кондора в отражении исчез. Зеркало стало серым, словно его затянул туман, а потом из него вышла тень.

Смутная и бесформенная, эта тень быстро обрела знакомые мне черты, превратилась сначала в силуэт высокой худой женщины, а потом в саму Сильвию в неизменном строгом платье, но с непривычно распушенными по плечам волосами.

В бледную, какую-то странную Сильвию, похожую на себя, но другую.

Она повернулась ко мне и улыбнулась, легко кивнув, и шагнула ближе, словно хотела удостовериться, все ли со мной в порядке. А я так и замерла с широко раскрытыми глазами.

Черты лица Сильвии стали другими – острее, тоньше, они казались хищными и злыми. Нечеловеческими. Из распушенных волос торчали кончики ушей, острые, но не как у Лин, не аккуратно заостренные и издалека похожие на человеческие, а другие. Они были длинные, похожие на свернувшиеся от жары листья. Само платье Сильвии показалось мне сотканным из теней: когда она двигалась, ткань тянулась за ней туманом и шлейфом из сухих листьев.

Я вспомнила, как госпожа Фонс-Флорал интересовалась, где я взяла то платье. И поняла, что добыть такую ткань гос-

поже Фонс-Флорал будет сложновато.

– Сильвия... – вежливо окликнул Кондор.

Сильвия замерла, вытянувшись и расправив плечи. Ее лицо немного расплывалось, словно бы я не смотрела на него, а пыталась вспомнить, вытянуть из памяти черты, которые почти забыла. Вот она улыбнулась – и за улыбкой мне почувдились острые мелкие зубки, почти такие же, как...

– Милорд?

Почти такие же, как были у того существа, у Хозяина Зимы.

Вот Сильвия провела рукой по юбке – пальцы у нее были узловатые, похожие на тонкие веточки – и платье стало почти обыкновенным.

Только на полу осталась пара сухих листьев, рассыпавшихся в пыль.

– Я думаю, леди Лидделл стоит знать, с кем она имеет дело. – Кондор с какой-то странной для меня беспечностью бросил ткань на спинку кресла, стоящего рядом с зашторенным окном, и предложил Сильвии в это кресло сесть. – Иначе леди Лидделл подумает, что совсем потеряла связь с реальностью.

Кажется, в распушенных волосах Сильвии виднелись аккуратные рожки, как у олененка. Когда пряди вдруг сами по себе стали собираться в прическу, которую я привыкла видеть, рожки исчезли, то ли оплетенные волосами, то ли скрытые мороком. Я вздрогнула.

– Лесная дева, – сказал Кондор менторским тоном. Сильвия оскалилась на него недоброй улыбкой, демонстрируя уже совершенно человеческие зубы. – Дух здешних лесов и могущественная фэйри. Очень давно кто-то заключил с ней сделку, дав имя и сущность...

...Имена ограничивают нас. Привязывают к той части нашей сути, которую способны отразить...

Я моргнула, прогоняя голос Хозяина Зимы из головы. Во рту снова почудился привкус ледяной воды.

– ...Взамен Сильвия служит посланницам Богини и приглядывает за этим замком, – продолжил Кондор. Он стоял, заложив руки за спину, между мной и Сильвией. Так, чтобы закрывать зеркало. – И я, признаюсь, не решусь судить, у кого здесь власти больше, у меня или у нее.

– И чья преданность сильнее, милорд. – Сильвия стала собой – привычной мне женщиной, человеком на вид. – Моя преданность леди безгранична, в отличие от вашей, и, как вы видите, это стало орудием, направленным против меня.

– Ох, не стоит винить себя. – Кондор, кажется, ей сочувствовал. – Я тоже показал себя полным дураком.

– Рада, что вы это признаете, – ответила Сильвия.

Кондор наклонил голову набок. Шпильку в свой адрес он решил пропустить.

– Раз уж ты здесь, – сказал он Сильвии. – То мы вместе послушаем рассказ леди Лидделл о том, что с ней произошло. Она как раз все вспомнила и собиралась поведать мне

об этом.

Я попыталась возмутиться:

– Я не...

– А вам не ясно, милорд? – Сильвия посмотрела на Кондора, щурясь, как кошка. Мне показалось, что ее лицо снова приобрело те странные, нечеловеческие черты. – Кто гуляет в эту ночь, осматривая свои владения, милорд? Кому подвластны ледники на горных вершинах, и тьма озер, скованных льдом, и снег, укутавший равнины, и зимние созвездия? Вы сами знаете, что случилось, милорд, и если сомневаетесь в правильности своих догадок, то это лишь страх перед истиной, потому что истина...

– ...потому что рядом с этой истиной милорд лишь человек на вершине горы, жалкий и беспомощный перед величием этого мира и его истинных хозяев, – раздалось из-под шкафа.

Обернувшись в ту сторону, я заметила лишь отблеск кошачьих глаз.

Я рассеянно моргнула и забралась на кровать с ногами.

– Что такое, милая? – спросил Кондор.

– Здесь раньше не было кота.

Из-под шкафа хихикнуло. Сильвия улыбнулась лишь уголками губ.

– Потому что это не кот, – ответил Кондор и тоже улыбнулся. Неожиданно мягко. – Ахо, покажись леди Лидделл, пожалуйста.

Кот вылез на свет, грациозно зевнул, продемонстрировав внушительные клыки, и замер посреди комнаты пушистым изваянием. На его морде было выражение, похожее на ехидную улыбку.

– Ваше любопытство удовлетворено, миледи? – спросил Кондор. – Или мне попросить Ахо принять истинный облик?

– Пожалуй, воздержусь от этого удовольствия, – ответила я.

Мало ли чем он окажется. И не захочу ли я после этого забиться под кровать, дрожа от страха.

Кот презрительно посмотрел на меня.

– И правильно сделаешь. – Кондор усмехнулся. – Потрясения от столкновения с другой стороной этого мира бывают настолько сильными, что по нашей договоренности Сильвия держит свою сущность в тайне от таких, как ты. Но...

– Но раз я все и так знаю, то мне можно открыться?

– На твоём месте я бы не стал самонадеянно говорить про все, – сказал Кондор. – Но ты права. А теперь мы все ждем рассказ, – Кондор нахмурился и скрестил руки на груди.

Я почувствовала себя странно. Чародей и фэйри – два фэйри, если быть точнее – смотрели на меня, ожидая, что я расскажу им свой сон, который не был сном, а я сидела на чужой кровати, в чужой рубашке, прикрывая голые колени чужим пледом, и пыталась понять, что вообще произошло. Что они все хотят услышать и зачем им это надо.

Но я смогла. Сделав глубокий вдох и поудобнее устроив-

шись, я начала свой рассказ. С самого начала, то есть с того момента, когда я стояла на улице рядом с таверной и смотрела, как мимо проходят люди. Про музыку, про песни, про человека в рогатой маске, про то, как увидела это во сне, а потом еще раз – в новом сне, который сном быть перестал. Про заснеженный лес, про того, чьим именем была зима, и про места, в которых мы побывали. И, самое важное, про то, кому служило снежное чудовище, которое я встретила на границе миров.

Нужно отдать Кондору должное, он слушал меня, не перебивая, только изредка хмурился и задумчиво дотрагивался рукой до подбородка. Даже когда я, чуть не сбившись от смущения, рассказала про поцелуй над бездной, ожидая ехидного комментария, волшебник промолчал. Если у него и возникали вопросы, кажется, он решил задать их, когда я закончу.

С каждым словом, которое приближало рассказ к финалу, мне становилось все холоднее.

– Я упала в реку, – сказала я и поплотнее закуталась в плед. – Меня тянуло под лед.

И замолчала, пытаюсь собраться с мыслями.

Что там было дальше? Точнее, как мне пришло в голову это решение: вода – это почти зеркало? Меня тянуло под лед, я пыталась схватиться за него, лед ломался, пальцы хватали пустоту, а потом просто уперлись в прочную холодную корку, полупрозрачную и гладкую. Похожую на стекло.

– Итак? – Кондор впервые за весь мой рассказ высказал нетерпение и чуть склонил голову набок.

– Он сказал, что в мире много дверей. – Я пожала плечами. – А еще, что наша жажда жизни иногда творит чудеса. Видимо, это была подсказка, я не знаю, но я подумала о зеркале в твоём кабинете, и...

Я правда не знала. Моя память на этом моменте становилась зыбкой, полной неясных образов, словно кто-то испортил кусок пленки, на которую был записан фильм.

Кондор, кажется, удивился, но совсем не тому, что я догадалась, как выбраться с Изнанки.

– Он с тобой говорил? – спросил он, подавшись в мою сторону. – Сам Хозяин Зимы?

– Ну да, – ответила я, уставившись на волшебника. На его лице было странное выражение: даже не недоверие, а, скорее, очень сильное, злое удивление. – Кондор, я не знаю, кто это, я не знаю, что он может, а что нет!

– Я тебе полностью верю, милая, – спокойно ответил Кондор. – Просто...

– Просто это все равно, если бы ваш король вдруг заговорил со встреченной на улице маленькой девочкой, которая расхныкалась из-за потерянного платка, – сказала Сильвия. – И устроил премилую прогулку по собственным владениям. При всем моем уважении, миледи.

– Вот. – Кондор указал рукой в ее сторону. – Именно так все и выглядит.

Я всхлипнула.

Сильвия сочувственно улыбнулась.

– Я думаю, леди Лидделл стоит выпить чаю, – сказала она и встала с кресла. – Иначе, боюсь, она замерзнет, милорд.

Все неприятное и резкое, что было в Кондоре, куда-то испарилось. Он устало вздохнул и кивнул:

– Спасибо, Сильвия.

– На благо, милорд, – ответила она уже почти у двери.

Кот терся у ее подола.

Почему она не воспользовалась зеркалом?

– И если тебе не сложно, – снова сказал Кондор. – Прикажи принести Мари ее одежду, а то, боюсь, в моей рубашке леди крайне некомфортно будет мной командовать. Она ничего не ответила, я слышала только шелест платья, отдаляющийся в сторону. Скрипа двери, щелчка поворачиваемой ручки не было.

Мы остались одни.

– Если тебя это утешит, то ты очень сообразительная, – сказал Кондор. – И везучая. Не знаю, что было бы, если бы к тому моменту я уже ушел спать, а не сидел над отчетом для Дара.

Он говорил это, пока завешивал зеркало черной тканью. Видимо, чтобы ничто не вошло с той стороны – и никто не вышел отсюда.

– Ты смогла найти если не способ выбраться, то способ позвать меня на помощь, – продолжил Кондор и обернулся

ко мне. – Надо сказать, я польщен подобным доверием. – Он слегка наклонил голову. – Постараюсь его полностью оправдать.

– И что мне теперь...

– Делать? – закончил он и горько усмехнулся. – Что нам теперь делать, милая, вот правильный вопрос. То, что случилось, заметно осложняет, эм... наверное, все, но я предпочту подумать об этом днем, на свежую голову. – Кондор подошел к окну и чуть отодвинул в сторону край шторы. – Если не боишься, подойди сюда.

– Зачем? – я вскинула голову.

– Хочу тебе кое-что показать.

Пришлось прошлепать босыми ступнями до окна и встать рядом с Кондором. Он щелкнул пальцами, заставляя светильники погаснуть, и обхватил меня за плечи, поставив перед собой.

– Смотри. Ничего не бойся. Сюда ничего не проникнет.

Сначала ночь за стеклом показалась мне всего лишь ночью, ни капли не отличающейся от той, в которую я смотрела, затягиваясь сигаретой и понимая, что действительно оказалась в совершенно другом мире. Темное небо, мелкие рваные облака, две луны, мелькающие в их просветах, серебристый снег и темный-темный лес, и горы вокруг, и освещенная кое-где тусклыми огнями крепостная стена, отгораживающая замок от леса.

– Знаешь, почему у нас две луны? – раздался над ухом ти-

хий голос. Я помотала головой. – Одна – отражение настоящей, призрачный двойник с Изнанки, напоминающий о том, что за гранями этого мира существует еще один, скрытый от нас, как мы от него. Смотри внимательнее.

Ночь изменялась, раскрываясь перед моим взором, и если в первый раз мелькнувшая перед окном тень показалась мне лишь обманом зрения или плодом моей фантазии, то потом я осознала ее реальность. Во тьме ночи начали проступать отдельные силуэты, расплывчатые и движущиеся в хаотическом порядке. Облака на небе, рваные, как истлевший полог, сейчас казались несущимся вперед призрачным воинством, закрывающим небеса. Тени вокруг Замка словно заметили, что я смотрю на них, и обернулись, показывая себя. Тьма сгустилась, прилипла к окну, в ней проступила иллюзия лиц, смотрящих на меня так же, как я на них, с любопытством и удивлением.

– Ты видишь их, – сказал Кондор, крепче прижимая меня к себе. – А они видят тебя. Иногда ты притягиваешь их, потому что пахнешь, как накрытый к ужину стол. – Он запахнул на моей груди начавший сползать плед. – Или становишься свечой в их темноте.

Кондор приложил ладонь к стеклу – за окном что-то вспыхнуло, как разряд молнии, и тени метнулись в сторону, исчезая вдалеке. Небо на глазах становилось чистым, бархатно-черным, усыпанным звездами. Мне показалось, что одна из лун потускнела и расплылась, а другая наоборот – засияла

с удвоенной силой.

Я облизала пересохшие губы, выходя из странного транса.

– Есть... есть смысл спрашивать, что это было?

– Угу. – Кондор отпустил меня. – Свита твоего кавалера. –

Он усмехнулся. – Я уже говорил, что не люблю все эти глупые праздники?

– Говорил, – кивнула я, покосившись в сторону окна.

За ним была просто ночь. Обыкновенная, пусть и самая долгая в году.

– Тогда можешь считать, что я повторился. – Кондор снова щелкнул пальцами – комната озарилась теплым желтоватым светом, и стало сразу как-то уютнее. – Как видишь, Король Зимы нашел себе невесту, и ей это не очень понравилось.

– Он сказал, что называть его Снежным Королем – некорректно, – зачем-то брякнула я, очень смущенная последней фразой.

Кондор рассмеялся – громко и совершенно искренне, и я смутилась еще больше.

– Думаю, ему мало дела до того, как мы его называем. – Волшебник осторожно взял меня за плечо и потянул за собой. – Пойдем, леди Лидделл.

– Куда?

– Пить чай, грустить и думать. – Кондор улыбнулся, хотя в его глазах все еще была тревога. – Сильвия права. Если тебя сейчас не согреть, ты совсем замерзнешь. Прогулки по

Изнанке, знаешь ли, практика не безопасная. Это я тебе по своему опыту говорю.

– Я... умоюсь и приду, – сказала я и смущенно поправила плед.

Кондор кивнул довольно рассеянно, моргнул пару раз и прежде, чем я успела шагнуть в сторону ванной, положил руку мне на плечо:

– Если ты не заметила, – сказал он, заглядывая мне в глаза, – мне тоже очень страшно. Поэтому постарайся не задерживаться, иначе я испугаюсь еще сильнее и приду проверить, не исчезла ли ты опять.

Не знаю, правда ли он боялся или сказал это для того, чтобы подбодрить меня, но когда я вошла в гостиную, Кондор был предельно спокоен. Он расслабленно сидел в одном из кресел, пил чай и смотрел в пространство. При моем появлении волшебник чуть повернул голову и кивнул на стопку одежды, лежащую на краю дивана.

Я вцепилась в джинсы, как в самую главную драгоценность на свете, мысленно благодаря Сильвию за то, что она догадалась принести привычные мне вещи, а не местные тряпки. Самой фэйри нигде не было. Кота, который не кот,

тоже.

Пришлось снова сбежать в спальню – переодеться.

– Я оставила твою рубашку на кровати, – сказала я, когда вернулась, и покраснела.

Кондор этого не заметил – или решил не замечать. Он подождал, пока я устроюсь на диване, и подвинул ко мне чашку чая.

И тарелку.

На тарелке лежали нарезанный тонкими ломтиками сыр, вяленое мясо, хлеб и горстка орехов.

Стоило мне это увидеть, как я поняла, насколько сильно хочу есть.

Кондор с полуулыбкой наблюдал, как жадно я набросилась на еду.

– Фэйри совершенно не умеют готовить, – сказал он так, словно извинялся, и утащил печенье из миски, стоящей рядом. – Точнее, то, что у них получается, человеку лучше не пробовать... по тем или иным причинам. И раз уж Сильвия решила не будить служанок, которые из людей, – он подчеркнул это «из людей» голосом, – то придется тебе пока обойтись без горячего.

Я совершенно не возражала: я делала себе бутерброд и была очень занята этим, аж руки дрожали.

Кондор усмехнулся.

– Что? – возмутилась я, вытерла рукавом губы и тоскливо посмотрела на пустую чашку, намекая, что от еще одной

порции чая не откажусь. Мою молчаливую просьбу выполнили сразу же.

– Ты можешь сейчас чувствовать сильный голод, – сказал Кондор. – Это... одно из последствий. Так что ни в чем себе не отказывай, милая. И не стесняйся.

Я проглотила кусок и пробурчала что-то вроде спасибо.

– Кстати. – Кондор положил на стол кристалл на цепочке. – Кажется, я просил не снимать его.

Его голос звучал очень спокойно, но я почувствовала укол вины.

– Ахо нашел его...

– На прикроватной тумбочке, – призналась я. – Я сняла его, потому что чуть не поранилась.

– Прости, милая, шелковые ленты не так эффективны в чародействе, как острые камни, – ехидно ответил Кондор. – Или железо. Но в следующий раз я постараюсь найти для тебя что-то такое, обо что ты не поцарапаешься при всем желании. – Он задумчиво посмотрел на кристалл. – Леди Лидделл сняла амулет, который был призван защищать ее разум от чужих чар, а потом... – Кондор перевел взгляд на меня. – А потом ее легко вывели из замка через все его защиты.

– Если честно, – в тон ему ответила я. – Я не думала, что что-то может угрожать моему разуму в моей, мать ее, постели.

– Справедливо. – Уголок губ волшебника дернулся вверх. – Но, видимо, с сегодняшнего дня тебе придется быть

очень внимательной ко всему, что идет хоть сколько-то не так. Давно тебе снятся странные сны?

Я моргнула, на миг забыв о втором бутерброде.

– Откуда ты...

– Я предположил. – Он лениво утащил еще одно печенье. – Но, видимо, предположил удачно.

«Очень удачно», – подумала я и призналась:

– С самой первой ночи. Но твое волшебное зелье неплохо их отгоняло. Когда я не забывала его принимать.

Он задумчиво сцепил кончики пальцев перед собой и уставился в пространство. К счастью, не на меня, потому что я бы такой напряженный взгляд не выдержала.

– Получается... – Я утащила с тарелки уже третий кусок хлеба, а голод все не проходил. – Получается, это Хозяин Зимы постарался сделать так, чтобы я сюда попала? Но как же тогда богиня? И зачем ему утаскивать меня на Изнанку? Кондор?

Он тяжело вздохнул – я уловила в этом плохо скрытое раздражение в сторону одной надоедливой девицы, которая задает слишком много вопросов, – заложил руки за голову и, глядя куда-то поверх моей головы, сказал:

– Я задаюсь совершенно теми же вопросами, милая. Но, увы, ответить тебе на них не могу. – Он опустил взгляд и теперь смотрел на меня. – Думаю, мне стоит поговорить с людьми, смыслящими в таких вещах больше, чем я.

Я оторвалась от бутерброда и облизала пальцы, чем вы-

звала усталую усмешку.

– Салфетка лежит рядом с тобой, если ты не заметила.

– Ну, простите, – фыркнула я, но салфетку взяла. – А я-то думала, ты знаешь все на свете.

– Мир намного больше, чем я могу осознать. Однажды мне пришлось усвоить этот урок. – Кондор снова вздохнул и положил руки на колени. – Судить о том, что от тебя нужно Хозяину Зимы, к примеру, я не возьмусь. Надеяться на то, что он снова сюда явится, тоже не стоит, да и я, признаюсь, не горю желанием с ним встречаться.

Он замолчал и посмотрел на меня очень хмуро, словно был чем-то недоволен – чем-то посерьезнее облизанных пальцев.

– А вы, леди Лидделл, как шкатулка с секретами, – сказал он. – Еще немного, и я готов буду уверовать в божественное провидение, которое привело вас ко мне. Впрочем, если так подумать, Хозяин Зимы – немного бог, поэтому...

– Как можно быть немного богом? – удивилась я.

Кондор задумчиво дотронулся пальцем до плотно сомкнутых губ, словно пытался понять, как объяснить мне все, что нужно было мне объяснить. Я тем временем допила чай и, взяв со стола амулет, надела его, не без труда застегнув замочек. Пальцы все еще плохо меня слушались.

– Все фэйри – воплощение силы стихии или какого-то явления, – сказал Кондор. – Времени года, суток, отдельных растений, человеческих желаний и страхов. Изнанка полна

энергии, и наши представления о мире притягивают ее. Помогают ей обрести плоть. Это, конечно, если все упрощать. – Он сощурился. – Приход зимы, смена дня и ночи, время урожая – у всего есть свои покровители, и они куда древнее новых богов. Их культы давно стали частью наших традиций, так что... Так что да, твой спутник – вполне себе бог. Не такой сильный, как раньше, и не такой злой. Но все еще способный на чудеса.

Он задумчиво посмотрел в сторону занавешенных окон.

Я так же задумчиво потянулась к тарелке с печеньем и тут же отдернула руку, потому что мои пальцы коснулись пальцев Кондора. .

– Ой.

– Я не претендую, милая. – Кондор улыбнулся мне доброжелательно, но нервно. – Ешь.

Он налил в мою чашку еще чая и пронаблюдал, как я забралась на диван с ногами.

– Это ему посвящен тот ритуал? – спросила я. – С невестой, которую оставляют в лесу?

Кондор молча кивнул.

Сейчас он выглядел очень усталым, тени под глазами стали глубже. Я постаралась догрызть печенье побыстрее, поставила чашку на стол и отряхнула руки о джинсы.

– Я пойду спать, – сказала я.

Волшебник удивленно посмотрел на меня и сонно моргнул.

– Мудрое решение, миледи.

Я не стала говорить ему, что спать, на самом деле, не хотела. Я хотела оставить его, чтобы он хоть немного поспал, а сама планировала или лежать и смотреть в потолок, или читать... да ту же «Ars Magica».

– Если так, то все вопросы обсудим завтра, а пока я отправлю тебя спать... без сновидений. – Он устало улыбнулся. – Чтобы больше никаких странных снов и не менее странных прогулок.

Он встал с кресла и протянул мне руку.

– Пойдем?

– И как ты собираешься оставить меня без сновидений? – спросила я, хватаясь за протянутую руку.

– Есть... способы, – он подтолкнул меня к выходу в коридор.

– А мы разве не через зеркало? – я обернулась и наткнулась на недоуменный взгляд.

Кондор хмыкнул.

– В мою спальню, глупая, – сказал он и легонько толкнул в спину, чтобы я шла вперед. – Мне станет спокойнее, если остаток ночи ты будешь спать за стеной, а не в соседнем крыле. Прошу! – Волшебник распахнул передо мной дверь спальни. – Можешь продолжать чувствовать себя как дома.

Я осторожно вошла внутрь, обхватив себя руками, словно мне снова стало зябко. Сложенная рубашка и плед все так же лежали на углу кровати – как я их и оставила.

– Ахо, – позвал Кондор, глядя в сторону шкафа. Кот лениво выполз и посмотрел на нас с каким-то неммым укором, словно занимался до этого момента чем-то крайне важным, а мы его отвлекли. – Проследи, чтобы леди снова не пошла гулять там, где леди гулять не положено... Ну и вообще. Только не пугай, ей и так... хватило.

Кот утвердительно мявкнул и, когда Кондор, легонько сжав мне на прощание руку, закрыл дверь снаружи – не сомневаюсь, что она снова не откроется с первого раза! – пристально посмотрел на меня и продолжал следить за моими перемещениями по комнате. Он разве что в ванную за мной не шмыгнул, когда я пошла туда, захватив с собой рубашку. Мягкая ткань коснулась кожи, и накатило осознание, что меня в эту рубашку переодевали, а значит...

Из ванной я вышла с пылающими щеками.

Я щелкнула пальцами, гася свет, и залезла под одеяло, скромно устроившись на самом краю кровати. Подушка пахла чем-то цитрусово-травяным, очень приятно и как-то слишком уютно. Я сжала в ладони кристалл, чувствуя, как его грани слегка вдавились в кожу, и попыталась заснуть.

Не кот – Ахо – тяжело запрыгнул с другой стороны, прошествовал через всю кровать и устроился у меня в ногах. Глаза его слегка светились в темноте, когда кот моргал, и я старалась не думать, что сегодня сторожит мой сон – как и о том, что сторожило его все это время. Сейчас, немного успокоившись, я почувствовала, что действительно устала –

тело ныло, как после тяжелой работы, в горле першило, как перед простудой, а стоило мне закрыть глаза, как начинало казаться, что пространство вокруг вращается. Я свернулась в клубочек и попыталась заснуть, но мысли в голове, растревоженные происходящим, мешали, уводили меня сразу во все стороны.

Слишком уж сияющая бездна передо мной открылась, и слишком уж неожиданно.

Я заерзала, пытаюсь найти более удобное положение и плотнее закутаться в одеяло.

– Ему нужно было тебя в лобик поцеловать, – сказал насмешливый голос. – Говорят, человечьи детишки после такого спят особенно сладко.

Я вздрогнула.

– Ч-ч-то?

– Спи, дура.

После этих слов глаза закрылись сами собой.

Спала я, как и обещал Кондор, без сновидений.

Я проснулась оттого, что дышать стало как-то очень сложно, и, открыв глаза, недоуменно уставилась на кошачью морду. Ахо обнюхивал мой нос, сидя на груди, длинные усы ще-

котали лицо. В первый момент я чуть не подпрыгнула от испуга, но кот успел смотаться быстрее, пройдясь по ребрам и нырнув куда-то во тьму под кроватью.

– Человечья женщина вкусно пахнет магией, – донеслось оттуда.

Я села, подтянув ноги к груди и обхватив колени. Эта фраза, сказанная тонким, чуть скрежещущим голоском, напугала до холодного кома в животе. Очень хотелось ломануться в закрытую дверь и звать Кондора, как родную мамочку, но для этого нужно было спустить ноги на пол – а под кроватью сидел кот-не кот, который только что...

Что делал? Плотноядно меня обнюхивал или мне показалося?

Ахо словно уловил ход моих мыслей – и из-под кровати раздалось ехидное хихиканье.

– Не бойся, человеческое дитя, мне слишком дороги мои крылья и моя жизнь, чтобы нарушать приказы хозяина, особенно когда он уже идет сюда. И раз уж ты, как любая человечья женщина, начинаешь вонять стыдом, когда думаешь о том, что тебя видели без одежды, то поторопись. – Кажется, он насмешливо фыркнул. – Или не торопись. Мне даже лучше.

Я спешно схватила свою одежду, для начала натянув джинсы – прямо здесь, на всякий случай, а потом убежала в ванную.

Из-под штор просачивался зимний рассвет, комната бы-

ла погружена в неуютный, холодный полумрак. Босые ноги ощущали тонкий поток неприятного сквозняка, и я старалась не думать, что за моими передвижениями следит нечто хищное, скрывающееся в тенях под кроватью, как маленькое воплощение детских кошмаров.

В ванной я сменила чужую рубашку на футболку и, пожившись, посмотрела на себя в скромное зеркало над раковиной – оно отразило бледную растрепанную девушку с заспанными глазами. Я плеснула в лицо холодной водой, чтобы как-то избавиться от ощущения песка под веками, и подумала, что если к вечеру не свалюсь с жесточайшей простудой – это будет чудо, потому что горло болело уже весьма ощутимо.

Интересно, а простуда тут лечится с помощью магии?

Перевернувшийся мир остался прежним – на первый взгляд, словно не было этой тревожной ночи. Тусклое солнце поднималось над зимним лесом и серыми скалами вдалеке. Я смотрела на него через узкие окна, по контуру которых змеился побег плюща, запечатленный в цветных стеклышках, и думала, что мне страшно.

Из комнаты донеслись голоса.

Я осторожно подошла к двери, решив прислушаться, прежде чем выйти к волшебнику и его... слуге? Суть отношений между Кондором и Ахо угадывалась, но была мне не совсем понятна, так же, как и отношения мага и Сильвии.

Между этими двумя чувствовалось какое-то напряжение,

а Сильвия, кажется, и не думала скрывать недовольство Кондором. Он же держался с ней почтительно, но на расстоянии, словно... боялся?

Я замерла на пороге ванной комнаты, превратившись в слух, и готовилась в любой момент сделать вид, что только-только собиралась выходить. Плитка холодила босые ноги.

Голос Кондора звучал устало и раздраженно.

– Габриэль – талантливый идиот. И таланты его находят выход ну совсем не ко времени. Я еще с этим недоразумением не разобрался.

Под «этим недоразумением», кажется, он имел в виду меня.

Я скривила губы, чувствуя укол обиды.

– Тише, милорд.

Знакомый странный голосок сопровождался стрекотанием, похожим на звук, который издают крылья насекомых, только громче – настолько, что я слышала его через дверь.

Я подумала, что мне примерещилось, но стрекот раздался снова – ближе.

– Леди проснулась и сейчас совсем рядом, за дверью. При желании может нас услышать.

Я нервно отдернула ладонь от ручки, словно та меня обожгла.

Пауза.

– Ну и что с того? – спросил Кондор. Я слышала его ша-

ги. – Пусть слушает. Я все равно не знаю, что с ней делать... именно сейчас.

– Я присмотрю! – как-то воодушевленно пообещал Ахо.
Я хмыкнула.

– Очень надеюсь, что Сильвия лишит тебя этого счастья.

Рассвет наступил.

Рядом с дверью прострекотало.

Я выдохнула и зажмурилась, нажала на ручку и вошла в комнату, стараясь улыбаться как можно дружелюбнее, – и тут же едва не подскочила, потому что прямо перед моим лицом зависло в воздухе странное существо.

Оно было похоже на крошечную, с пару ладоней, версию человека, но с прозрачными крыльями и огромными блестящими глазами на сморщенном некрасивом лице – такие лица бывают у новорожденных младенцев. В нем было что-то от насекомого и что-то от растения: кожа отливала зеленью, а подобие одежды, как отделка платья Сильвии, казалось сделанным из увядших листьев.

Я смотрела на Ахо, а он улыбался в ответ и смотрел на меня.

Стоило мне моргнуть, стоило Кондору, сидящему в кресле, чуть двинуться, и фэйри все с тем же стрекотом исчез под кроватью – и оттуда вылез и запрыгнул на одеяло черный кот.

Я не закричала только потому, что не успела.

– Леди оценила мои зубки? – самодовольно спросил кот.

– Ахо, брысь отсюда!

Я оценила его зубки – мелкие, острые, похожие на кошачьи резцы. Улыбка, полная этих зубов, смотрелась на сморщенном личике чем-то неправильным и потому еще сильнее бросилась в глаза.

Еще одно столкновение с чем-то... таким странным, намного более странным, чем острые ушки эльфов, окончательно выбило меня из колеи. Ночной облик Сильвии был необычным, но память о нем чуть поблекла, превратилась в воспоминание о странном сне.

А сейчас было раннее утро, и это вот реальное, осязаемое, противоестественное для моего мировосприятия существо, находившееся в воздухе на расстоянии меньшем, чем длина руки, меня напугало.

– Это пикси, – спокойно сказал Кондор, наблюдая, как меняется выражение моего лица. Ахо вылизывал лапу, топорща когти, и именно сейчас ничем не отличался от обычных котов – может быть, только размером. – Нетипичная для этих мест разновидность фэйри, но тем не менее... Ахо как истинный представитель своего вида досаждал Мастеру Герхарду мелкими пакостями, а потом попал ко мне. – Кондор злорадно оскалился. – Попался.

– Смерть была бы милосерднее. – Кот оторвался от своего занятия и посмотрел на меня. – Доброе утро, леди Лидделл, – с подчеркнутой вежливостью сказал он. – Я уже рассказал хозяину, что ваш сон был глубокий и сладок.

Я медленно выдохнула.

Маг покосился в мою сторону и натянуто улыбнулся.

– Вот ты и открыла для себя еще одну часть этого мира, – сказал он, – которую мы не показываем кому-то вроде тебя. Старались, – поправил он сам себя, – и почти не показывали.

– И почему это?

Я стояла, переминаясь с ноги на ногу, и не решалась двинуться с места, потому что не знала, что сейчас будет и вообще.

Кондор казался дружелюбным, но все еще усталым, хотя синяки под глазами были уже не так заметны – видимо, успел немного выспаться.

На мой вопрос он криво усмехнулся, затем потянулся, зевнув, и все-таки ответил:

– Та магия, которую ты видела, все эти кристаллы, огни и мороки, это лишь часть магии вообще. Она скучна и банальна для тех, кто живет здесь, но, поверь, за рамки восприятия людей, которые впервые сталкиваются с магией вообще, она не выходит. Вы воспринимаете их как часть мира. – Он посмотрел в сторону кота и шикнул на него. Ахо подскочил и спрятался под шкафом. – Может быть, в прошлом Посланицы Богини и бегали по болотам Каделла, охотясь на диких фэйри, приручали драконов и единорогов, вышивали судьбы людей золотом по бархату, – он оглядел меня с босых ног до растрепанной головы, – или творили какие-нибудь другие чудеса, но сейчас от вас этого не требуется. Издеваться над

человеком, пугая его рассказами о том, что вряд ли его вообще коснется, ни я, ни кто-либо из моих предшественников не стал бы. Это жестоко. И потом. – Кондор повернул голову в одну сторону, потом в другую, словно разминал шею. – Мир непознаваем. Я не знаю и половины чудес, которые возможны в нем, а я здесь живу, и мои интересы, сама понимаешь, чуть шире, чем выбор оттенка шейного платка или очередность приемов в лучших домах двух столиц. Я – проводник, я встречаю и опекаю каждую из вас, но в мои обязанности не входят занимательные экскурсии для леди по местам, где этих леди могут сожрать или превратить в лучшем случае в жабу или певчую птичку.

Его голос звучал глухо и все еще устало.

– И выполнение капризов, – осторожно напомнила я. – Тоже не входит. В обязанности.

Кондор не без усилия рассмеялся и с кривой усмешкой встал с кресла.

– Ладно, леди, мне очень жаль, что вам пришлось, эмм... окончательно проснуться. – Кондор пристально посмотрел на мои босые ступни, выглядывающие из штанин. – На самом деле, я хотел лишь дать Ахо пару настоятельных рекомендаций относительно того, что ему можно, а что нельзя делать и говорить в твою сторону. Если хочешь, отведу тебя к Сильвии...

– Она прекрасно притворяется человеком, – заметила я с долей сарказма.

«Заклятия заклятиями, – думала я, – а острые зубки, спрятанные за вежливой улыбкой, и аура чего-то нездешнего, пугающего – это совсем другое дело».

Хотя, конечно, от Сильвии я не видела ничего злого.

В отличие, к примеру, от одного там волшебника.

– Да, за это ее можно только похвалить, – рассеянно согласился Кондор, почему-то не уловив моей интонации. – Или оставайся здесь. Воспользуйся этим временем и выпишись. Я должен уйти на пару часов, и, честно говоря, мне лучше поторопиться.

Ах, уйти? Именно сейчас? Назвав меня недоразумением? Пообещав мне, что с утра мы поговорим и решим, что делать дальше?

Вот зараза.

Я переступила с ноги на ногу.

Чувство странной обиды ударило в голову. Я с шумом выдохнула воздух, подошла к кровати, едва ли не топая, чтобы положить на нее рубашку, и лишь после этого обернулась и уверенно сказала одно слово, очень вежливое и цветистое:

– Нет.

– Что, прости?

Кондор наклонил голову набок. Сейчас это движение, обычно означавшее любопытство, приобрело почти злое оттенок.

– Возьми меня с собой. – Я выдохнула, понимая, что границу между просьбами и капризами сейчас переступлю. –

Не оставляй меня в замке наедине с... вот этим! – Я ткнула пальцем в сторону шкафа. Дрогнувший голос, наверное, полностью выдавал мой страх. – Наедине вот с этой страшной штукой и кучей вопросов, на которые я очень хочу получить ответ!

Кондор недоуменно моргнул.

– Ты понимаешь, о чем просишь? – очень тихо сказал он.

Конечно, я понимала, но раз уж он так запросто взял меня к другу, который оказался кронпринцем Иберии, то... Не к какому-то Богу-Императору же он собрался ни свет ни заря?!

– Да, понимаю! – Я скрестила руки на груди. – Возможно, у тебя действительно важные внезапные дела рано утром. После праздника, – добавила я язвительно. – Но, посмею напомнить, – я нервно сглотнула перед тем, как привести весьма железный довод, – что ты несешь за меня ответственность, и...

– Могу ответственно отвести тебя к Ренару. Он, поверь мне, человек, если это принципиально.

– Нет! – Я мотнула головой. – Дело совсем не в этом!

– О да! – Маг угрожающе спокойно поднялся с кресла и шагнул в мою сторону. – Дело в том, что кого-то ударило в голову, и кто-то решил раскапризничаться.

– Только попробуй, – прошипела я, заметив, как он сделал едва уловимое движение рукой, которое я восприняла как угрозу, – только попробуй применить на мне что-то из

арсенала этой твоей магии. Ни о каком доверии после такого можешь и не мечтать!

Кондор остановился и с удивлением посмотрел сначала на меня, потом – на свою руку, в сторону которой был направлен мой взгляд.

– Мари... Я не собирался даже... – выдохнул он.

– Не верю, – я еще больше нахмурилась.

Мне очень хотелось плакать от страха и обиды, и на волне внезапной, пусть и закономерной, вспышки гнева я уже хотела придумать какую-нибудь еще колкость, но не успела.

– А-а-а, – простонал волшебник. – Ты сейчас настолько невозможная, что... Неблагодать с тобой, милая, но в случае чего – сама виновата!

Пока я открывала и закрывала рот, как рыба, разрываясь между злостью и здравым смыслом, Кондор стремительно подошел ко мне и как есть, в иномирской одежде, босоногую, растрепанную, схватил за руку и потянул за собой.

К зеркалу.

Темная ткань, кажется, сползла с него сама по себе.

Я настолько удивилась, что даже не успела возмутиться.

Зеркало стояло у стены в круглой комнате.

Кроме этого зеркала – единственного чистого, яркого, сияющего новизной – здесь было еще семь, выглядящих так, словно их скупил недорого у торговца никому не нужным, но очаровательным старьем. Потускневшие, с изъеденной временем амальгамой, с потрескавшимися кое-где рамами, очень непохожие друг на друга по стилю или форме, эти зеркала располагались в разных, иногда неожиданных местах.

Одно было овальное. Оно доставало мне до пояса и, наверное, было создано для того, чтобы висеть в дамском будуаре: раму его украшал узор из крупных роз, покрытых стершейся кое-где золотой краской. Зеркало стояло у небольшого письменного стола, прислоненное к нему. Мне его положение казалось настолько неустойчивым, что я с тревогой поглядывала – не упадет ли это зеркало от одного моего неверного движения.

– Какая-то обитель сумасшедшего, – буркнула я, на что маг хмыкнул. – Я надеюсь, в этот раз без сюрпризов вроде внезапных принцев?

– О нет, никаких принцев, – пообещал Кондор.

Его улыбка сейчас была доброжелательной, но в глазах застыла тревога. Кондор по-хозяйски раздвинул шторы на одном из узких высоких окон и посмотрел в зимний день снаружи. Там, за окном виднелись крыши домов, невысоких, заставших среди голых деревьев.

Видимо, мы были где-то под самой крышей.

Ощувив под ногами мягкость ковра и отдышавшись после

перехода, я осмотрелась чуть более внимательно.

Надо сказать, все эти зеркала были единственной, пусть и брошившейся в глаза странностью комнаты. В остальном она не слишком отличалась от кабинета какого-нибудь ученого с одной из старинных картин. Место между окнами занимали высокие книжные шкафы, заполненные так, что некоторые полки слегка прогнулись. Около одного из этих шкафов стояло зеркало, а напротив зеркала, вписанная между полок, обрамляющих ее аркой, была настоящая дверь.

Эта дверь внезапно открылась, и в комнату вошел незнакомец. В одной руке он держал фонарь с кристаллом, а другой прижимал ко лбу намокший платок, в который было что-то завернуто. Парень увидел меня и застыл в изумлении, близоруко щурясь. Его рука с платком медленно опустилась.

Я тоже рассматривала вошедшего с удивлением и жадностью, отмечая и его растрепанный вид, и измятую одежду, и легкую бледность, и то, что он был, кажется, на несколько лет младше Кондора или просто казался таким.

У него были короткие, чуть ниже ушей, светло-русые волосы и какой-то щенячий взгляд.

И здоровенная шишка на лбу.

К ней, собственно, он и прикладывал платок.

– Милосердный брат, – прошептал юноша, не отрывая от меня взгляда.

Я сделала шаг назад.

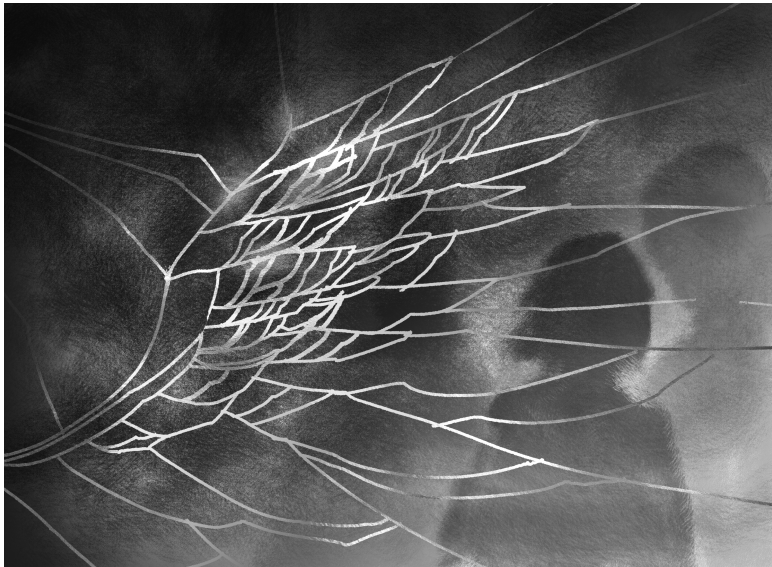
– Мне невероятно приятно сравнение с Милосердным, –

сказал Кондор, – пусть я и свято верю, что милосердие и смирение не входят в список моих добродетелей. Особенно – сейчас. – Он хмуро покосился на меня, а потом обернулся к несчастному хозяину комнаты, который снова прижал платок ко лбу и поморщился от боли. – Доброе утро, Габриэль. Это – леди Лидделл, она со мной, – добавил он, кивнув в мою сторону.

Габриэль в каком-то странном облегчении привалился к двери и шумно выдохнул, посмотрев в потолок.

– Это самое недоброе утро из всех, которые со мной случались, Кондор.

– Поверь, – скривился маг, – у меня примерно то же самое.

Опасные чары

*– Я думал, вы в опасности, а вы – в драме.
Александр Андерсон, «Элизиум. Аликс и монеты»*

– В общем, эксперимент удался, – сказал господин Габриэль Моррис, снова прикладывая ко лбу платок.

Он забыл, что пару минут назад убрал шишку магией, поэтому ойкнул и смутился, почти покраснев, и спрятал платок в кармане брюк.

– Да, я успел заметить, – хмуро сказал Кондор.

Он сидел на письменном столе Габриэля, скрестив на гру-

ди руки, и выслушивал отчет с видом строгого наставника. Меня он подчеркнуто не замечал, и я пряталась рядом, сгорая от стыда за свои капризы.

Габриэль то и дело нервно косился в мою сторону, но, похоже, сейчас у него были куда более важные проблемы, чем выяснение того, кто я и откуда взялась.

Я же без зазрения совести рассматривала его, замечая в холодном утреннем свете и въевшиеся следы чернил на тонких пальцах, и подслеповатый прищур. В руках Габриэля в какой-то момент оказался футляр для очков, он то и дело нервно щелкал его крышкой, но доставать содержимое не торопился. Светло-русые, чуть вьющиеся пряди едва прикрывали уши – самая короткая стрижка, которую я видела в этом мире. Мне показалось, что во всех его жестах, в мимике, в том, как он смотрел на мир вокруг, сквозила какая-то странная рассеянность. Эта рассеянность, этот беззащитный взгляд, мягкие черты лица и пятна чернил – все это делало Габриэля похожим на потерянного ребенка.

Он поймал мой взгляд, очевидно смутился, отчего я сама скромно опустила ресницы, и вдруг обратился напрямую ко мне:

– Леди хочет что-то сказать?

– А? Нет, нет, ничего! – Я встрепенулась. – Леди вообще пожалела, что не слушала старших.

Кондор хмыкнул почти одобрительно и кивнул собеседнику, чтобы тот продолжал.

– Создание коридора с использованием твоих знаний и хорошего резерва действительно дало результат. – Габриэль заложил руки за спину и сделал пару шагов туда-сюда по комнате. – И я все еще склонен считать, что рвать Завесу в эту ночь было правильным решением, потому что Грани истончились. Может быть, в другой раз и не сработает...

– Да и где снова взять такой запас? – Кондор кивнул на то самое зеркало с розами на оправе, которое пару минут назад осторожно отставил в сторону, к стене, чтобы не уронить. – Амальгама изъедена.

– Да, для стабильной... точки, – Габриэль остановился и покосился на меня, – нужно что-то более тонкое и прочное, чем человеческое творение. Я трижды просчитывал катоптрическую схему леди Мельшиор-Бонне, но мне не удастся найти лазейку, чтобы уменьшить поглощение. – Он сощурился, словно у него резко заболела голова. – Но суть не в том. У меня... катастрофа.

Кондор наклонил голову набок, выражая абсолютное внимание.

– Катастрофа очень... деликатного характера. Иначе бы я не стал тревожить тебя так рано. – Габриэль снова нервно щелкнул крышкой футляра для очков. – Я вытащил кое-что с той стороны.

Я почувствовала, как у меня задрожали руки.

– Кое-что? – вкрадчиво спросил Кондор.

– Кое-кого, – признался Габриэль, покосившись на зерка-

ло, из которого мы пришли, и снова дотронувшись до места на лбу, где был след удара. – Нет, правда, я не хотел! – начал он оправдываться с непонятным мне рвением, будто бы боялся осуждения со стороны Кондора. – Я планировал только создать межпространственный переход, но совершенно не ожидал, что... – снова взгляд в мою сторону. – Что с той стороны придут.

– Так. – Кондор вдруг стал в разы серьезнее, чем был до этого. – Судя по тому, что ты жив, у этого кого-то нет ни когтей, ни клыков.

– Ни когтей, ни клыков. – Габриэль потер лоб. – Но поразительная меткость, когда дело дошло до пресс-папье из кварца.

Я нервно кашлянула и приложила руку к груди, пытаюсь успокоиться.

Кондор спрыгнул со стола.

– Только не говори, что...

– Я притащил оттуда человека, Кондор. Девушку. Точнее, она сама свалилась в переход и, кажется, была непотребно пьяна. И... – Габриэль опять посмотрел на меня. – И одежда почти так же, как твоя спутница. Не знает языка, кстати, это тоже повод задуматься над вплетением дополнительной формулы, создающей возможность ограниченного и направленного контакта с информационным полем... – воодушевленно начал он, но заметил суровый и сосредоточенный взгляд собеседника и осекся, переминаясь с ноги на ногу. –

Она не понимает, что произошло, крайне напугана. Я попытался успокоить ее и...

– Получил тяжелым предметом в лоб, да, – фыркнул Кондор. – Поздравляю, ты теперь в элитном клубе. Скажи, когда в ход пойдут книги и канделябры, я с удовольствием обсужу с тобой проблемы самозащиты и уязвленной гордости. Где она?

– Кто? – Габриэль недоуменно моргнул.

– Девушка, бестолочь ты одаренная. – Кондор сказал это с невозмутимо-спокойным и одновременно крайне обреченным видом. – С этой проблемы стоило начинать.

– Я... я применил чары сна. Она у меня в спальне. И... кажется, она ничего не помнит.

Она оказалась моей ровесницей, но из тех, с кем мы вряд ли бы подружились, слишком уж разным мирам обе принадлежали там, с другой стороны. У меня было не слишком много близких подруг, больше приятельниц, но таких вот – тоненьких, изящных, способных позволить себе носить зимой укороченные джинсы с розовыми кроссовками на платформе – среди них не попадалось. Кто-то вроде нее редко разговаривал с кем-то вроде меня, по крайней мере, в школе и на первых курсах.

Как бывало потом, я еще не знала.

Я подошла ближе, отодвинув руку Кондора, который попытался меня перехватить, но молча пропустил, словно бы признал мое право интересоваться этой девушкой.

Джинсы были порваны на колене, видимо, во время падения, а не для красоты, потому что рядом с дыркой ткань испачкалась.

Копна вьющихся светлых волос на фоне вишневой обивки дивана почти сияла. У корней волосы были чуть влажные, а одна прядь торчала в сторону, испачканная в чем-то липком. Я попыталась ее поправить.

Веки девушки дрогнули, она зашевелилась, когда моя рука почти коснулась ее щеки, но не проснулась. От нее пахло сладким парфюмом и алкоголем, и какое-то время назад она точно была ярко накрашена. Сейчас тушь и глиттер с век осыпались на щеки, подводка размазалась, розовая помада почти стерлась, оставшись только по контуру пухлых, очень красивых губ.

– Умыть ее ты не мог, – проворчал Кондор, подходя ближе.

Он подвинул меня мягко, но не церемонясь. Длинные пальцы чародея легли на виски девушки, она чуть слышно застонала, открыла глаза – и тут же их закрыла с глубоким вдохом.

– Отойди в сторону, милая, – тихо попросил Кондор. – Ты слишком волнуешься и мешаешь мне.

Я нервно сглотнула и правда отошла, слепая босыми ногами – в этом доме никто не торопился подавать мне тапочки – по прохладному паркету с узором из цветов. Я остановилась рядом с Габриэлем. Он сейчас выглядел еще более рассеянным и суетливым, словно боялся и этой женщины, которая, правда, успела присадить ему шишку на лоб, и Кондора, который не скрывал, что был им, Габриэлем, недоволен, и меня. На меня Габриэль старался не смотреть, словно не знал, что со мной делать и как себя при мне вести, поэтому мы оба смотрели на то, как Кондор, прикрыв глаза, держит пальцы на висках моей подруги по несчастью. Мне показалось, что Габриэль хочет чем-то помочь, слишком уж напряженно он сжимал ладонь в кулак, но боялся, что его неуклюжая помощь только навредит.

– Что он делает? – шепнула я, кивнув на Кондора.

Габриэль покосился на меня в изумлении, как будто бы рядом с ним ожила статуя и спросила, почему небо синее, а вода мокрая.

– Снимает чары, – ответил он, моргнув.

Я изобразила на лице крайнюю заинтересованность.

– М?

Он завел руки за спину и дернул головой, то ли стряхивая в сторону прядь волос, которая лезла в глаза, то ли просто нервничая:

– Чары сна – это очень тонкое воздействие. Я заставил мозг этой леди, – слово "леди" Габриэль произнес с каким-то

сомнением, – замедлить все процессы. Такое вмешательство должно быть осторожным, а я, сами понимаете, действовал в спешке, поэтому господин дель Эйве в первую очередь проверяет, не причинили ли чары какой-либо вред. Это лучше делать при физическом контакте.

Я потеряла локоть.

– Не слишком приятная процедура, – добавил Габриэль, не глядя на меня. – Хотя при определенном уровне Таланта волшебники сводят все риски к...

– Заткнитесь. Оба! – Кондор чуть повернул голову в нашу сторону, сощурившись настолько злобно, что я вытянулась по струнке и испуганно спрятала руки за спиной. – Эта дурочка пьяна так, что рядом с ней самому пить не надо, – с неприязнью добавил он, собирая волосы девушки в узел, чтобы не мешали. – Достаточно вдохнуть поглубже.

– Может быть, она лечила разбитое сердце? – не без иронии предположила я, заработав в свою сторону еще взгляд, намекающий, чтобы не лезла под руку с глупыми комментариями.

Пришлось виновато поджать губы. Слишком уж хорошо я понимала, что сегодняшнее утро запечатлело не лучший из моих портретов.

От стыда даже в носу зашипало.

Я шмыгнула.

Габриэль покосился в мою сторону.

– Простуда. – Я пожала плечами. – Замок, сквозняки, все

такое.

И Хозяин Зимы, и прочие фэйри, и ледяная река, текущая с той стороны мира. В общем, такая себе ночка. И утро не лучше.

Пришлось отвернуться и сделать вид, что я чихнула. Так сильно, что слезы из глаз брызнули.

– Она очнется, когда я прикажу, – Кондор выпрямился и потряхнул руками так, словно сбрасывал с них что-то невидимое.

Потом он задумчиво посмотрел на девушку, внимательно, окинув ее взглядом с головы до самых кроссовок, прямо в которых ее на диван и положили, и скептически скривился.

– Нет, это будет слишком удачное совпадение, – сказал он, переводя такой же внимательный взгляд на меня. – Она пришла оттуда же, откуда и ты.

Я пожала плечами. То, что девушка была из моего мира, я уже догадалась. Не знаю, какие законы управляли магией всех этих переходов, но это казалось мне правильным, что ли? Может быть, мне просто было сложно представить, что существовали еще какие-то миры и двери в них.

Ну, кроме Изнанки.

– Какова вероятность, что вы говорите на одном языке? – спросил Кондор, расстегивая манжеты и начиная закатывать рукава рубашки.

– Эм-м-м... Ну, я не знаю, – неуверенно протянула я, переминаясь с ноги на ногу.

– Ты можешь определить это, Мари? – Маг наклонил голову набок, щурясь в мою сторону с каким-то странным азартом. – Подойди ближе!

Он протянул мне руку, подманивая движением пальцев.

Я сделала неуверенный шаг вперед. Габриэль галантно поддержал меня, заметив, что я качнулась в сторону.

– Сквозняки, – неловко улыбнулся он. – Простуда, слабость. Понимаю.

– Я предлагал леди остаться дома, – добавил Кондор не без ехидства. – Но она весьма упряма, когда дело касается того, чтобы попасть в неприятности. Давай, милая, присмотришься повнимательнее.

– З-зачем?

Я разглядывала бледное личико, которое даже со следами потекшей туши выглядело миленьким. Кукольным. Девушка была очень... родная, своя – и совершенно чужая одновременно. Я попыталась сосредоточиться, отбросив мысли о доме и о неприятных мурашках, возникших от этого внезапного столкновения с той, другой реальностью, от которой я, к своему удивлению, почти отвыкла.

– При схожести ваших родных семантических матриц, – сказал Габриэль чуть надтреснутым голосом, как-то нервно посмотрев в сторону Кондора, словно извиняясь за то, что сам ответил мне, – будет намного проще внедрить в ее сознание хотя бы самый простой набор мыслеобразов с привязкой к местному языку. Поэтому я так обрадовался, увидев, что

мой друг пришел вместе с вами...

– Габриэль... – устало вздохнул Кондор и покачал головой, из-за чего бедняга Габриэль замолчал, замялся и слегка покраснел, словно его щелкнули по носу.

– Я поняла, – торопливо сказала я прежде, чем Кондор успел добавить что-то. – Не уверена, что справлюсь, но попробую. У нее... не было с собой чего-нибудь еще? – с надеждой спросила я. – Сумки там или еще чего-то?

Габриэль отрицательно покачал головой.

Я вздохнула, моргнула пару раз и взяла девушку за руку, рассматривая тонкие, очень красивые кольца с мелкими камешками, сияющими, стоило свету упасть на них. Девушка никак не отреагировала, даже ее дыхание оставалось по-прежнему ровным, глубоким и спокойным. Что бы ни сделал с ней Кондор, он, кажется, решил дать ей как следует восстановиться.

Когда я повернула ей голову, чтобы посмотреть, что написано на лейбле тонкой серой толстовки с выложенными справа у воротника звездочками из стразов, Габриэль нервно кашлянул, а Кондор со странной полуулыбкой наклонил голову, явно заинтересованный происходящим.

– Я пытаюсь понять, где сшита и куплена ее одежда, – пояснила я, оттягивая воротник, чтобы столкнуться с парой знакомых букв на логотипе. Под толстовкой пряталась тонкая цепочка с серебряным крестиком и зодиакальным кулоном. – Это называется массовое производство, Кондор. Мы

редко шьем одежду на заказ, обычно покупаем готовую, которую шьют на фабриках, не знаю, есть ли они у вас. И продают... в больших крытых рынках, скажем.

Я болтала, кажется, чтобы успокоить себя саму, потому что руки дрожали от волнения.

На шее справа, прямо рядом с линией волос, была татуировка – несколько маленьких звездочек.

– Занятно, – сказал Габриэль.

Я пожалала плечами и стиснула зубы, стараясь не зареветь.

Мне хотелось, чтобы она была, ну, своей, но я боялась в это поверить, потому что и шмотки, и украшения, и татуировка – все это ведь не дает полной гарантии, правда?

Я вспомнила, как на автомате засовывала чеки из баров и кафе в карманы джинсов, а потом после стирки вытаскивала серые бумажные комочки, и, ни капли не стесняясь, чуть подвинула девушку и проверила ее карманы.

Есть!

В одном из задних обнаружился смятый полтинник, пара чеков и билет в музей, купленный со студенческой скидкой.

– Более того, – сказала я упавшим голосом. – Мы с ней из одного города, кажется.

И так и застыла, комкая в руке билет, думая, насколько велика вероятность, что я ошиблась, и какие тогда будут последствия. Еще я думала о том, что увидела наверху, в башне, и кусочки паззла в моей голове начали складываться в единую картину.

То, что Кондор не хотел брать меня с собой.

Их разговор, из которого только дурак бы не понял, что эти двое пытаются открыть портал.

Такой же, как тот, из которого пришла я сама.

Рассказы о магии, о дверях между мирами, о потерянном континенте и катастрофе, которая могла обрушиться на мир, и о том, как рвать ткань реальности, находя уязвимые места.

Ведь волшебник, встречающий гостей из соседнего мира, должен понимать, как открывается дверь?

«Вот оно, – подумала я, – вот оно то, о чем мы говорили в храме во дворце. Чужой секрет, чужая миссия, то, что местные жрецы могут расценить как нечто, неуютное богам».

Чужая ладонь легла на мое плечо, почему-то вдруг очень тяжелая. Я вздрогнула и на секунду крепко зажмурилась.

– Это то самое? – спросила я, вцепившись в музейный билетик, как в спасательный трос.

– Что?

Голос Кондора раздался очень близко. Кажется, дыхание волшебника задевало волосы у меня на макушке.

– То, что вы оба тут делаете. Это то, о чем ты говорил тогда? Поиск портала, способного...

Кондор развернул меня лицом к себе и прижал палец к губам:

– Ты очень догадлива, милая, – интонации Кондора не были ехидными, пожалуй, только потому, что были серьезными. – Но давай оставим этот вопрос на потом? Когда закон-

чим с самым важным. Волшебные сны не должны длиться долго, это... не очень полезно. Сядь рядом с ней.

Его рука толкнула меня вперед, и мне пришлось подчиниться.

Я села на пол рядом с диваном и обхватила руками колени.

Габриэль смотрел на меня в недоумении.

– Я подразумевал немного другое, – сказал Кондор. – Но и так сойдет.

Он опустился рядом, развернувшись в мою сторону, коснулся пальцами моего подбородка, словно пытался заставить поднять голову и посмотреть прямо в глаза, и сказал с каким-то оттенком извинения:

– Тебе тоже придется заснуть.

Его пальцы легко расстегнули замочек на цепочке и сняли с меня амулет.

– Зачем? – я моргнула.

– Он будет мешать.

– Зачем заснуть? – уточнила я.

– Так нужно. На время. На несколько минут. – Кондор хлопнул рукой по краю дивана там, где было свободное место. – Ложись. Иначе магия не работает.

Габриэль снова кашлянул, привлекая наше внимание, и мы оба вскинулись и посмотрели на него. Кондор – устало и почти раздраженно, я – чувствуя непонятную мне обиду.

– Мне кажется, – сказал Габриэль, держась пальцами за

воротник. – Мне кажется, Птица, леди Лидделл просто не понимает, чего ты от нее хочешь, а ты забыл ей объяснить.

– Конечно. – Кондор расплылся в странной улыбке. – Со всем вылетело из головы, что некоторые вещи нужно расписывать, словно я на экзамене по ритуалистике. Итак, Мари! – Он опять повернулся ко мне. – Когда гостя Габриэля очнется, даже если она будет помнить, что с ней произошло, она не поймет ни слова из того, что мы скажем. Увы, господин Моррис увлекся экспериментом, забыв, что, помимо прочего, в сопутствующих плетениях разрыва отсутствует заклинание, которое мы называем десигнатум. Оно помогает лучше понять друг друга. – Кондор снова положил руку на край дивана, улыбаясь мне при этом так ласково, что хотелось бежать. – К сожалению, это очень сложное заклинание, к тому же из той же области, что и чары сна или тот способ спрятать воспоминания, действия которого ты на себе не так давно испытала. Поэтому лучше заснуть. Или ты не хочешь помочь этой бедняжке? – хитро добавил он.

– Я устала от магии, – замотала я головой, но все-таки покорно положила ее, куда сказали.

– Ну, совсем без магии – не получится, уж прости. – Кондор завел мне прядь волос за ухо. – Но я постараюсь, чтобы она не причиняла тебе вреда. Спи.

Я не знаю, как он это сделал – то ли нажал на какую-то точку у меня на лбу, то ли применил чары, то ли что-то еще. Я просто закрыла глаза – мне показалось, что не больше, чем

требовалось, чтобы устало моргнуть, – а потом открыла их и поняла, что что-то не так. На щеке отпечаталась текстура обивки дивана, плечо затекло, и во рту пересохло. А главное – в голове, где-то внутри, поселилось странное ощущение щекотки, которое не проходило, и сама голова при этом была странно легкой и очень пустой. Я снова зажмурилась, на этот раз – без провала во времени, просто чтобы стряхнуть с себя все эти странные ощущения.

– Не делайте резких движений, леди Лидделл, – посоветовал Габриэль.

Оказалось, что он сидел в кресле совсем рядом, чуть печальный, усталый и спокойный. Он вытянул ноги вперед и сцепил кончики пальцев перед собой. Очки переключались из футляра прямо ему на нос.

А вот девушки рядом не оказалось.

Только когда я запрокинула голову назад, прикрыв веки, я почувяла запах ее духов, смешанный с запахом пота и алкоголя. Или мне почудилось.

– Юлиан отнес ее в более подходящую для спящей леди комнату, – сказал Габриэль, наблюдая за мной из-за очков настороженно, словно я была соседской собачкой, с которой его оставили наедине, и он не знал, в ответ на что я могу зарычать и показать клыки. – Вы пьете чай, леди Лидделл? – Его голос вдруг стал увереннее. – Или кофе? Хотя после таких приключений я бы советовал горячее молоко с пряно-стями и медом.

– А можно просто воды? – прошептала я, потому что губы еще не до конца начали меня слушаться.

– Конечно. – Габриэль порывисто встал и стряхнул нечто, невидимое мне, с колен. – Все, что хотите. Я у вас... немного в долгу.

Только когда меня вывели в соседнюю гостиную, где был накрыт чай, я поняла, насколько меня трясет.

– Ты отлично справилась, милая, – сказал Кондор, подставляя мне локоть, на который можно было опереться, пока я шла из одной просторной комнаты в другую. Амулет снова висел у меня на шее. – И я рад, что все так удачно обернулось. Но надеюсь, что в следующий раз ты не будешь капризничать, думая, что тебе снова так ослепительно повезет.

Он не улыбался и говорил все это поразительно ровно, почти холодно.

– Ты на меня злишься, – сказала я, щурясь.

– Уже не так. И, поверь, если злюсь, то не на тебя, – признался Кондор, усаживая меня на кушетку. – Я просто устал и меньше всего на свете сейчас беспокоюсь о том, обидится ли кто-то на мои слова. О, Габриэль! – Он повернулся ко второму волшебнику, который выходил куда-то за пределы

комнат, чтобы отдать распоряжение слугам. – Не найдется ли в этом доме теплой шали или шарфа?

Габриэль, которого вопрос застал врасплох, словно бы выдернул из мыслей, крутящихся в его голове, рассеянно моргнул и провел руками по волосам, убирая прядки за уши.

– Я отправил горничную за одеждой...

– Это мудрое решение, но, думаю, для твоей таинственной гостьи пока хватит и покрывала, в которое мы ее укутали. – Кондор кивнул в мою сторону и смерил меня едким взглядом с головы до самых босых ног. – А вот леди Лидделл в спешке, увы, забыла, что в больших домах в декабре бывает прохладно.

Габриэль тоже посмотрел на мои ноги, снова моргнул и дотронулся пальцем до своих губ, как ребенок, который чем-то удивлен и озадачен. Он наклонил голову, не отрывая от меня взгляда, будто бы что-то обдумывал, и, наконец, тряхнул волосами:

– Конечно, – сказал он, обращаясь ко мне. – Простите мне мою неучтивость, миледи. Я не подумал.

– Не беспо... – начала было я, но Кондор протянул мне чашку. – Спасибо.

В чашке оказалось теплое молоко с медом и травами.

Дверь закрылась за Габриэлем с еле слышным стуком.

– Мы дали ей успокоительное, и она проспит несколько часов. Безо всякой магии, леди Лидделл. – Кондор устало сел, точнее – почти лег в кресло рядом и скосил глаза на ме-

ня. – Как ты себя чувствуешь?

«Надо же, – подумала я, делая глоток. – Не люблю теплое молоко, но то, что намешали для меня, если не вкусно, то вполне... съедобно».

– Я? Странно. Спасибо, что поинтересовался.

И чихнула, чуть не пролив все на себя.

Магу это явно не понравилось.

– Поразительное везение, – буркнул он себе под нос. Я не знала, к чему это относилось – ко мне или к ситуации в целом. Кондор потер глаза, устало выдохнув. – Пока у нас есть пара минут без посторонних, Мари, я хочу с тобой поговорить.

Он выпрямился и сразу стал сосредоточенным, как обычно.

– О законности того, что я тут увидела? – не удержалась я.

Кондор вздохнул:

– Увы, всего лишь насчет новой для тебя стороны этого мира. – Он потянулся к чайнику на столе, дотронулся до него и уже потом налил чай в чашку. От поверхности поднимался пар. – О прочем поговорим все вместе. Ахо напугал тебя?

Это был не вопрос, а, скорее, утверждение, но я на всякий случай кивнула и угукнула.

– Он мне еще и зубы продемонстрировал, – и поёжилась.

Но совсем ябедничать не стала, хотя и хотелось.

– У младших фэйри вредный характер, – кивнул Кондор. – Эти твари любят человеческие слабости, страхи и про-

чую ерунду, и чувю их великолепно. И раз уж так сложилось, что, боюсь, теперь тебе не избежать общения с Ахо, то запомни два правила. – Кондор поднял взгляд от чашки на меня, посмотрел пристально и въедливо. – Во-первых, все они очень любят играть. Именно так я и поймал этого.

– Зачем? – спросила я и закусила губу.

Конечно, я сначала спрашиваю, а потом уже думаю, уместно ли любопытство?

– Что – зачем?

– Ну, зачем поймал?

Кондор пожал плечами:

– Так получилось. Не убивать же его было? Я, конечно, понимаю, что проявление подобного милосердия – серьезный удар по моему образу злого коварного колдуна. – Он лукаво улыбнулся, и я не удержалась и хихикнула. – Но, к сожалению, я практичен и, поступившись необходимостью играть навязанную мне роль, решил, что Ахо будет полезнее мне живым. Но вернемся к главному. Пикси любят играть, особенно с людьми, особенно – по своим правилам. – Судя по интонациям мага, ничего хорошего эти правила людям не сулили. – Они хитрые, но трусливые, потому что сильны только роем. Не показывай Ахо, что ты его боишься, ему это нравится, и он начинает играть на твоём страхе.

– Ты хочешь сказать, что он мне ничего не сделает?

– Пока ты под моим покровительством – вряд ли. Из чувства самосохранения, – добавил Кондор насмешливо. – А те-

перь второе, и тут все серьезнее. Ахо не причинит тебе вреда, опасаясь моего гнева, но он может предложить тебе, скажем, сотрудничество.

– А его помощь может оказаться слишком дорогой, – поняла я.

Ну, по крайней мере, в сказках, которые моя память сохранила, иногда упоминалось, что не следует глупым детям и отчаявшимся девицам принимать помощь от хитрых и пронырливых нелюдей. Расценки у них не совсем гуманные и условия сделки почти кабальные.

– Все верно. – Кондор довольно улыбнулся. – Но дело не только в цене. Эта зараза умеет изворачиваться, и его помощь, поверь мне, может выйти тебе боком. Никогда не проси его об услугах и не принимай его подарки или предложения. И советам следуй с осторожностью. Ты вроде бы достаточно умна, чтобы не влипнуть в неприятности еще больше, чем уже влипла, поэтому я надеюсь на твой здравый смысл. Поняла?

Он наклонил голову набок.

– Да. – Я неуверенно кивнула. – А Сильвия?

– А Сильвия – совсем другое дело. – Кондор одним глотком допил остатки чая и снова откинулся в кресле, чуть прикрыв глаза. – Она не из младших, и ее гейс... договор создавали серьезно и вдумчиво. Для тебя она вернее, чем все сторожевые псы этого мира.

Наверное, это должно было меня успокоить, но нет.

Слишком хорошо я запомнила то, что видела.

– И много у вас тут... таких? – спросила я и снова чихнула.

Кондор посмотрел на меня из-под полуопущенных ресниц. Кажется, он решил, что пока не хочет двигаться – вообще.

– М?

Мне показалось, что воздух вокруг меня вдруг стал теплее и будто бы суше, словно меня теплым ветром обдало.

– Фэйри, – ответила я. – Ну... Раз уж я столкнулась с... как ты сказал? Новой стороной мира?

– Достаточно, леди Лидделл. – Кондор еле заметно улыбнулся. – Я очень надеюсь, что скоро вы окажетесь в месте, где столкновение с ними будет исключением, а не правилом. – Он снова вздохнул и позволил себе потянуться. – А сейчас, Мари, найди в себе силы и остатки сообразительности и подкинь мне идею хорошего, правдоподобного вранья.

– Что?

Я непонимающе вскинулась и нахмурилась.

– Нужно придумать сентиментальную, глупую и крайне трагичную историю о том, как в дом Габриэля попала странная леди без гардероба, слуг и бумаг. – Он произнес это почти с театральным драматизмом. – Потому что все, что мы с Габриэлем делали и делаем, не совсем...

Он замолчал, пытаясь подобрать слово.

– Правильно с точки зрения религии? – подсказала я ехид-

но.

– Скорее, не принадлежит нам в той мере, в которой мы могли бы свободно им распоряжаться. И говорить об этом публично.

Кондор сел прямо, видимо, пытаясь добавить себе серьезности.

– Эм-м-м, – сказала я. – А вам не проще, ну, в служанки ее отправить там? Не знаю...

«Не проще ли вам стереть ей память, задурить мозг, еще как-то избавиться от лишнего груза? – думала я. Зачем опасным опытным интриганам еще одна порция возни с безалаберной и беспомощной девчонкой, на этот раз не защищенной никакими мнимыми божественными статусами?»

Кондор покачал головой и тихо рассмеялся.

– У тебя все еще странные представления о порядке вещей, заведенном в этом мире, Мари, – сказал он. – Пожалуй, ты права, но, боюсь, при всей твоей правоте у этой бедняжки просто нет нужной сноровки, и служанка из нее получится так себе. И тогда, боюсь, она быстро пойдет по другому, менее респектабельному и нравственному, но, несомненно, более выгодному пути. – Маг говорил со мной как с маленьким ребенком. – Я, конечно, не сомневаюсь, милая, что у тебя есть повод и право считать меня зловредным и безответственным. Но, знаешь ли, некоторые понятия о чести мне не чужды. Например, мне очень сложно оставить в беде ни в чем не виноватую девушку...

Он сказал это настолько искренне и так резко замолчал, что я смутилась и, чтобы скрыть это смущение, потянулась к тарелочке со сладостями. Сладости оказались вкусными и чем-то похожими на фруктовую пастилу, но чертовски приторными. Пришлось плеснуть в чашку чая, чтобы разбавить эту приторную липкость.

– И ты невероятно талантлив в том, чтобы таких девушек случайно находить, – напомнила я, пытаясь вернуться к разговору.

Он усмехнулся:

– Абсолютно верно. Тем более, в этом случае девушка попала в беду по моему недосмотру.

– И потому ты решил наградить этим подарком судьбы Габриэля? – резковато сказала я и скептически приподняла одну бровь.

Кондор прикрыл веки буквально на пару секунд.

– Я напомню, милая, что у меня есть ты, и тебя мне, поверь, хватает. Теперь даже более чем хватает, – ответил он хмуро. – Габриэль, насколько я его знаю, невероятно совестлив. Он всегда был правильным и мягким, – в голосе Кондора прорезалось что-то странное, совершенно новые для меня интонации – так говорят о тех, кто дорог. – Если я предложу ему решить проблему... радикальным методом, или, к примеру, если наш заказчик...

«Дар», – уточнила я у себя в голове.

– ...настоятельно порекомендует тот же метод, Габриэль

никогда не простит этого ни мне, ни... – Он прикусил губу, потому что чужое имя, запретное для меня, едва не было сказано вслух. – Заказчику.

– Радикальный метод. – Теперь я чуть наклонила голову набок. – Это... эм... когда был человек, а потом, к примеру, жаба?

– Вроде того, – ответил Кондор без улыбки.

Ну, хотя бы честно.

Я нервно сглотнула.

– Я вам этого тоже не прощу, – сказала я.

– Поверь, я прекрасно это осознаю, – с кривой усмешкой ответил Кондор и кивнул очень медленно и четко, вместе с кивком закрыв и открыв глаза, после чего приложил палец к губам, намекая, чтобы я замолчала, и показал на дверь.

Дверь открылась, и вошел Габриэль с теплой шалью, переброшенной через плечо, и еще одной чашкой молока со специями. И очень, очень рассеянной улыбкой.

– Значит, зимний вечер, хрупкая фигура на пороге дома в конце респектабельной улицы, тонкое платье на плечиках... Трагедия в глазах и потеря памяти. Леди знает толк в трогательных деталях. – Кондор сидел, закинув ногу на ногу и

сцепив руки в замок перед собой. В его взгляде читался лукавый интерес вперемешку с одобрением. – Нет, все просто и хорошо, я бы перемудрил с правдоподобностью в ущерб драматизму.

– Можно предположить, что леди заблудилась или потерялась в большом городе, – подхватил Габриэль. – Приехала на праздник из пригорода, родственники не уследили. Сильное потрясение вызвало потерю памяти, возможно, всему виной была магия, под воздействие которой леди попала.

– И вы как образец благородства не могли пройти мимо, – добавила я, поправляя кисточку шали, которая щекотала боковую ногу.

Я сидела на кушетке по-турецки, наплевав на все возможные правила приличия.

Напоминать о них мне никто не спешил.

– Тем более что она постучалась именно в вашу дверь, – продолжила я, глядя на Габриэля. – Воспитание не позволило вам оставить бедняжку на холоде, а чувство сострадания к попавшему в беду существу заставило пообещать вашу помощь и защиту, пока леди не обретет память и не вернется к родственникам.

Я сощурилась, потому что в моей голове реплика заканчивалась закономерным «чего, как мы все понимаем, не произойдет».

Габриэль продолжал задумчиво вертеть в руках ручку, которой делал пометки в блокноте, видимо, фиксируя наши

идеи. Очки все еще были у него на носу.

Кондор смотрел на меня с легкой улыбкой, и я бы сказала, что неуверенным он не выглядел. Недовольным тоже. Поэтому я решила воспользоваться только что завоеванным расположением:

– Можно вопрос? – И, дождавшись кивка, спросила: – Почему вы не скажете правду? Ну, что домагичились. Не афишируя, конечно, но...

Господа маги с невероятной усталостью на лицах переглянулись. Габриэль обернулся ко мне и вежливо, сдержанно улыбнулся:

– Понимаете ли, леди Лидделл... То, что мы с лордом дель Эйве провернули, очень рискованно. Это, можно сказать, поручение одного важного человека, которое мы выполняли на свой страх и риск, потому что определенная часть знаний была получена...

– Не совсем законно, – с каменным лицом сказала я. – Я уже поняла.

Тем более что кое-что знала и до этого.

Габриэль замялся и уточнил:

– Была получена не тем путем, который подходит для научных исследований с последующей публикацией и оглаской. – На лице появилось почти такое же выражение, как было у Кондора, когда тот говорил мне про бдительность Ковена. – Именно поэтому, кстати, я надеюсь на ваше благоразумие.

– И молчание. – Кондор сказал это таким тоном, что мне чуть не свело живот от нехороших предчувствий. – Я гарантирую и благоразумие леди, и ее молчаливость.

Леди решила прямо сейчас проявить благоразумие и промолчать.

– И в связи с тем, что нам нужно сохранить в тайне тот факт, что эти знания нам доступны, – продолжил Габриэль как ни в чем не бывало, – мы и саму нашу работу стараемся держать в секрете. А новость о том, что в доме Мастера Габриэля Морриса появилась девушка из другого мира, поверьте, привлечет слишком много внимания. Вам ли не знать, леди Лидделл.

– Действительно, – хмыкнула я.

Он не обратил на это внимания.

– На эту девушку захотят посмотреть, ее захотят вовлечь в светскую жизнь, ей будут задавать вопросы и, боюсь, ее захотят исследовать. Как явление. Забыв о том, что она – человек. Не знаю, что из этого вы уже испытали на себе, но... Думаю, последнего вы точно избежите, потому что ваш статус для большинства живущих под этим небом – знак вашей неприкосновенности. – Он мельком посмотрел на Кондора. – И эта неприкосновенность поддерживается властью и силой. Не только светской властью и силой человеческих законов. Вам нечего бояться.

Он не понял, почему мы оба – каждый со своей стороны – нахмурились. Кондор нервно улыбнулся одним уголком губ,

я отвела взгляд в сторону окна, прикрытого темно-бордовой шторой так, что было видно только кусочек сада. В чашке еще оставалось на глоток молока, я допила его и промолчала.

Видимо, о моем инкогнито Габриэль тоже не знал.

Кое-кто, похоже, не торопился посвящать его во все планы.

Утро за окном плавно переросло в хмурый, неприятный день.

Кондор зевнул.

– Я уверен, наш заказчик не оставит нас в беде, Габриэль, и поспедействует. Меня тревожат твои слуги, – сказал он.

– Меня тоже. – Габриэль привычным жестом поправил очки. – Задурить голову горничным чарами и сказкой о потерявшей память несчастной леди, которая среди ночи вышла к нашему дому, думаю, будет несложно. Чернь падка на такие истории не меньше, а то и больше, чем другие женщины. Скажу им, что я вызывал тебя, чтобы диагностировать причины потери памяти.

– И ни капли не соврешь, – сощурился Кондор. – По всей видимости, мне придется навестить тебя еще не раз.

Я перевела взгляд с одного волшебника на другого. Кондор заметил это и понял, что просто так они от меня не отделаются. Он тяжело вздохнул, повертел в воздухе кистями рук, словно бы стряхивая с них напряжение, и сказал:

– Она действительно ничего не помнит. Даже собственное имя. Я не знаю, в чем здесь дело, но Бриджет...

– Бриджет? – я удивленно подняла брови.

– Не оставлять же на месте ее имени пустоту? – развел руками Кондор. – Так вот, я не знаю, в чем дело. Может быть, это просто шок. Может, следствие небрежно брошенных чар. – Он не стал смотреть на Габриэля, но я заметила, как тот резко сжал в пальцах свою ручку и печально скривил рот. – Может быть, потеря памяти вызвана самим переходом. Я найду ей врача в Альбе и возьму расходы на себя.

– Что ты! – Габриэль так резко дернул рукой, пытаясь отмахнуться от этой щедрости, что чуть не выронил ручку. – Совершенно не стоит этого делать!

– А ты напишешь леди Хьюм, – с неприятной улыбкой продолжил Кондор, словно бы не слышал протеста. – И скажешь, что тебе нужна помощь.

По выражению лица Габриэля было ясно, что его пытаются заставить сделать что-то, чего ему совсем не хотелось.

– А леди Лидделл будет молчать. – Кондор перевел взгляд на меня, не переставая неприятно улыбаться. – И при встрече с леди Хьюм, если таковая состоится... А я думаю, она состоится, потому что леди Лидделл, как я понимаю, желает быть уверенной, что два коварных и зловредных волшебника не обидят ее протезе... В общем, Мари, именно ты нашла эту девушку рядом с домом, когда я привел тебя сюда, чтобы познакомить со своим старым другом.

Я вскинула голову, глядя ему прямо в глаза, едва не открыв рот от удивления.

– Я не...

– А потом мы что-нибудь придумаем. – Улыбка Кондора перестала быть неприятно жесткой. Он резким движением положил ладони на подлокотники кресла и распрямил плечи, словно сбросил с них тяжелый груз. – Я постараюсь вернуться сегодня вечером или завтра днем, – сказал он Габриэлю. – А сейчас нам с леди Лидделл стоит поторопиться домой. Мари, если ты не против, я скажу Габриэлю пару слов наедине.

Я пожала плечами, мол, если даже я против – хотя с чего бы? – что я могу сделать, если благородные господа решили посекретничать?

Пока их не было, я вытащила из кармана потрепанный билет – чуть почерневший там, где его согнули. Бело-коричневый, с зелеными стенами дворца на картинке, он был сейчас чем-то настолько же невероятным, насколько настоящим. Я вертела его в руке, пытаюсь не думать о том, о чем очень хотела бы думать.

Когда мы поднялись в кабинет Габриэля, я поняла, что, кажется, уже привыкла к зеркалам и перемещению через них.

– Жди от меня вестей завтра к вечеру, – напомнил Кондор. – Я надеюсь, она будет спать почти весь день.

– Я ограничу ее общение со слугами, – сказал Габриэль. – Пусть думают, что бедняжка больна и в горячке после прогулки в бальном платье по морозу.

– Главное, чтобы она тебе на шею не села.

Я покраснела, хотя Кондор даже мельком не взглянул в мою сторону, когда сказал это. Может быть, не стоит быть такой мнительной, леди Лидделл?

– Идем. – Он взял меня за руку, осторожно, но крепко, как ребенка. – До завтра, Габриэль.

– До завтра. – Габриэль кивнул ему и с улыбкой поклонился мне. – Рад знакомству, леди Лидделл. Вы нам очень помогли.

– О, не сомневайся... – начал было Кондор.

– Спасибо за чай, господин Моррис, – ответила я, выдернув ладонь из его хватки, и сделала неплохой, на мой взгляд, книксен. – Я тоже рада нашему знакомству, пусть оно и произошло при несколько странных обстоятельствах. Я передам привет через господина дель Эйве при первой возможности. Ах, да!

Я вспомнила, что на мои плечи все еще наброшена шаль, и сняла ее.

– Буду надеяться, что вы сделаете это лично, – Габриэль улыбнулся уже менее формально и даже менее рассеянно, чем улыбался до этого, и еще раз поклонился.

Он забрал у меня шаль, чуть не уронив ее на пол.

– Умница. – Кондор приобнял меня за плечи. – Передам Лин, что ты успешно применила знания на практике. Все, хватит этикета, я устал. Хорошо поспать днем, Габриэль, – бросил он через плечо и утащил меня в зеркало.

В замок.

Мы вышли из зеркала в кабинете Кондора, каком-то странно тихом и холодном. Возможно, дело было в пасмурном, нахмуренном небе за окном. Возможно, в том, что я сама была хмурой и усталой.

Я поежилась и пожалела, что отдала Габриэлю шаль. Сейчас она бы пригодилась.

Кондор отпустил мою руку. Он отошел от зеркала буквально на шаг и вдруг удивленно застыл, споткнувшись на ровном месте. Он как-то странно наклонился набок, словно был пьян.

Что-то шло не так, но я успела подставить плечо и поймать волшебника.

Кондор вцепился в меня.

– Ничего страшного, – с явным усилием ответил он. Пальцы на моем плече сжались так, я едва не вскрикнула от боли. – Помоги мне.

– Да, конечно...

Пара шагов до дивана заняли, кажется, вечность. Нести на себе взрослого мужчину, которому я едва доставала макушкой до плеча, было тяжело и страшно, но я смогла.

Сквозь страх я заметила мелкие странности: то, насколько бледным стал Кондор, какими холодными были его руки сейчас, как сильно проступили тени под глазами.

На диван он почти упал, едва не уронив меня вместе с собой, сел, закрыв лицо руками, и замер. Я опустилась рядом, чувствуя себя потерянной и не зная, вообще не понимая, что делать.

Наверное, это было закономерно: когда кто-то сильный, к чьей силе ты привыкла, как к точке опоры, вдруг у тебя на глазах становится слабым и беспомощным, свою беспомощность и никчемность ты чувствуешь особенно остро.

Я протянула руку, осторожно касаясь плеча волшебника в странном порыве нежности и желания то ли как-то утешить его, то ли защитить. Спрашивать, что происходит, я не решилась, хотя очень хотелось.

– Ты... не надо тебе такого видеть, – тихо сказал Кондор и выпрямился.

Он все еще закрывал лицо рукой. Я не сразу поняла зачем, но потом увидела, как между его пальцев просачивается кровь, ярко-алая на фоне бледной кожи.

Кондор посмотрел на свою ладонь, испачканную красным, с обреченным изумлением, чуть приподняв одну бровь, и невесело ухмыльнулся.

– Стоит признать, эти приключения дорого мне обходятся, Мари, – с горькой иронией сказал он и снова закрыл нос рукой. Лицо его сейчас казалось изможденным до край-

ности, осунувшимся и каким-то заострившимся. – Сейчас прой...

Он не договорил, потому что с тихим стоном потерял сознание и рухнул ко мне на колени, успев схватить за руку, словно просил о помощи. Холодные пальцы в моей ладони тут же стали безвольными, и я сжала их так крепко, что одно из колец впилося в кожу острым выступом.

Сквозь слезы и страх я вспомнила, что нужно делать, и не без труда усадила Кондора так, чтобы он не захлебнулся собственной кровью.

В ней было все: мои руки, джинсы, его рубашка. Я пожалела, что оставила так благородно выданный мне платок где-то в спальне, а не сунула его в карман.

Я залезла на диван с ногами и устроилась рядом с Кондором, не давая ему снова упасть.

Он не откликнулся на имя – ни на одно из имен, которые я знала. Дыхание было слабым, но оно было, значит...

– Господин маг все-таки перестарался и остался без сил? – раздалось откуда-то сбоку.

Я вздрогнула и обернулась.

Ахо сидел у зеркала. Он был в облике кота и, как мне показалось, усы топорщил с явным ехидством. Кот-не кот дернул ухом и зевнул, заметив, что я смотрю на него, а потом медленно, с достоинством переместился в сторону стола и ловко прыгнул на него.

Я всхлипнула и замерла.

– Ай-ай-ай, как нехорошо. – Пасть кота не пошевелилась, словно говорящий был внутри кошачьего тела или прятался за ним. – Такое небрежное отношение к собственной силе непростительно для взрослых опытных магов. – Кот снова зевнул, показывая клыки, и царапнул когтями столешницу, словно бы продемонстрировав мне эти самые когти. – Что смотришь, человечье дитя?

Не отрывая от Ахо взгляда, я произнесла имя Сильвии – так громко и четко, как позволяли мне слезы.

Сильвия не пришла. Ни сразу, ни через пару минут, когда я позвала ее снова.

Кот то ли фыркнул, то ли чихнул.

– Лесная леди не придет, – сказал он насмешливо. – Мой господин поставил чары так, чтобы она могла войти сюда только по его личному приглашению.

Он прыгнул вниз, на пол, но пола не достиг – вместо этого он перетек в собственную тень и взмыл в воздух уже в обличье крылатой твари, нагло улыбающейся мне во все свои мелкие острые зубки.

– Самонадеянность губит чародея быстрее и вернее яда или смертельных заклинаний, – заметил он, разглядывая Кондора. – Он может прийти в себя хоть сейчас, а может провалиться так пару суток, если ты ему не поможешь. – Ахо подлетел чуть ближе, завис буквально в ладони от моего лица. – А может умереть.

На личике фэйри появилось выражение хитрого самодо-

вольства.

– Тогда помоги ему, – сказала я, надеясь, что голос звучит твердо.

И тут же предательски всхлипнула.

– Условия моего с ним соглашения исключают выполнение любых касающихся его жизни и здоровья приказов, исходящих от третьих лиц в физическом или... – Ахо покопился на волшебника. – Или в ином отсутствии хозяина. Во избежание соблазна причинить ему вред.

Он хихикнул и на всякий случай отлетел подальше:

– Но я могу дать тебе совет.

Пикси с легким стрекотом переместился и застыл перед моим лицом, приложив крохотный пальчик к тонким губам. Он демонстративно думал, старательно изображая и человеческую мимику, и человеческие привычки вообще. Я вскинула голову: мне хотелось надеяться на лучшее, но из-за этой его странной, карикатурной задумчивости я чувствовала подвох.

И потом – Кондор предупреждал меня, что доверять Ахо не стоит.

– Поцелуй его, – медленно и четко сказал пикси.

Он был серьезен настолько, насколько может казаться серьезным кто-то вроде него.

– ЧТО?

Серьезность сменилась сияющим самодовольством и хитростью, и мне тут же захотелось поймать Ахо и поступить с

ним так, как поступают дети с бабочками или стрекозами.

Кажется, фэйри мой настрой понял – он криво улыбнулся одним уголком рта, еще раз обнажив и продемонстрировав мне зубы.

Я перевела взгляд на Кондора и нервно сглотнула, почему-то подумав, что со следами крови на губах он похож на вампира, спящего после ужина с глупой человеческой девицей. Стоило, наверное, бежать отсюда и звать на помощь Ренара, но оставлять беспомощного волшебника наедине с Ахо я не хотела.

Я протянула руку и убрала со лба Кондора прядь волос. Его кожа была холодной, дыхание – все еще слабым. Хоть кровь из носа идти перестала, правда, обивку дивана и нашу одежду это уже не спасет.

– Ахо, я...

– Тебе мешает стыд? – Фэйри сел на спинку дивана сбоку от меня и наблюдал за всем блестящими темными глазами. – Как это по-человечески!

– Да ты просто издеваешься, – поняла я.

Он рассмеялся, весело болтая ножками, словно вся ситуация казалась ему забавной шуткой.

– О нет, я серьезен! Ты не знаешь многих законов этого мира, нездешнее дитя! Говорят, поцелуй, полный искренних чувств, творит настоящие чудеса!

– Я тебе хвост дверью прищемлю, – пообещала я и покраснела.

– Поймай для начала! – Ахо захихикал, взмыл в воздух и замер ровно на том расстоянии, на котором он был в абсолютной безопасности от моих пальцев. – Я знаю, что ты боишься, – напомнил он злорадно, но тут же его интонации стали спокойными, почти ровными и даже доброжелательными. – И твой страх очень сладок. Ты можешь остановить все раньше, чем я откушу тебе кончик уха, например. И ведь я даже не предлагаю тебе что-то... неприятное. Попробуй. – Ахо сел на краешек одной из полок и приобнял статуэтку грифона, которая стояла на ней. – Попробуй, и я приведу рыжего, – пообещал он и еще шире улыбнулся.

Я зло сжала губы и поняла, что, пожалуй, это честная сделка.

По крайней мере, казалось мне, я ничего не теряю.

Кроме самолюбия, если волшебник очнется в процессе. Или если ему разболтают.

На то, что он очнется до, я очень надеялась, но нет. Не очнулся. Не очнулся, даже когда я осторожно провела рукой по его щеке, извиняясь за то, что собиралась сделать.

Ахо взлетел и замер в воздухе, вытянувшись в нашу сторону, внимательный и предвкушающий. Я не понимала, чего он добивается, и, честно говоря, уже не хотела думать и строить предположения.

Поцелуй получился с привкусом крови и слез. Я стояла на коленях рядом с Кондором, стараясь не дотрагиваться лишний раз, не нарушать чужие границы еще сильнее, чем уже

это сделала. Все, что я себе позволила, это осторожно придерживать голову мага, запустив пальцы в его жесткие темные волосы, почему-то казавшиеся на ощупь похожими на птичьи перья.

Я искренне надеялась, что Кондор не придет в себя сразу, и не знаю, чего боялась больше, его гнева или того, что он ответит на поцелуй.

Кончики пальцев слегка покалывало изнутри.

Ахо что-то невнятно, но красноречиво хмыкнул.

Я злобно вскинула голову.

– Достаточно?! Видишь, ничего не получилось!

– Вполне, – фэйри резво отлетел в сторону и уставился на мои руки.

Я удивленно перевела взгляд на них и чуть не вскрикнула: сквозь кожу было видно, как вдоль вен проступает что-то бледно-серебристое, сияющее, и с каждым ударом сердца это сияние становилось все ярче и ярче. Покалывание в пальцах стало сильнее, под кожей ладоней нарастала щекотка.

«Нет ощущения, что ладони горят?»

Торжествующий звонкий хохот фэйри заполнил комнату.

– Я так и учуял! От тебя слишком пахло магией, челове-чье дитя! – Ахо суетливо кружил рядом, как назойливая и любопытная муха-переросток, едва ли не принохиваясь ко мне, но старательно держась на безопасном расстоянии.

Я же в ступоре наблюдала, как просачивается на кончиках пальцев это сияние, как оно стекает с моей руки, оставаясь

в воздухе едва заметным туманным шлейфом, стоит только пошевелить пальцами.

Красиво. И страшно.

Стало холоднее.

С очередным выдохом я заметила, как изо рта вырвался пар.

На границе слуха раздался легкий стеклянный перезвон, уже знакомый и потому страшный. Я обернулась к зеркалу и увидела, как и зеркало, и оконные стекла покрылись тончайшим слоем узоров инея.

И стало тихо.

– Очнись, пожалуйста, – я осторожно потрясла Кондора за плечо.

Он не очнулся.

Ахо тоже исчез – или спрятался где-то, где я его не видела. Я позвала его, но пикси не появился.

Впервые за все это время я пожалела, что слуг в замке почти нет. Или есть, но не люди, и общаться с ними я не умею. Я осталась одна с чем-то неведомым, странным и необъяснимым, и мне было чертовски страшно.

Щекотка под кожей превратилась в боль. Ладони жгло, вдоль вен словно тек жидкий серебряный огонь. Мне хотелось расцарапать кожу, только бы это ушло, пропало, вытекло из меня прочь.

Еще больше мне хотелось оказаться не здесь, и если мне сейчас придется бежать из кабинета и тащить Кондора с со-

бой – на себе – то я была к этому готова.

Всхлипнув, я схватилась за руку волшебника и переплела наши пальцы – и тут же мое запястье свело странной судорогой.

Пальцы Кондора с силой сжались. Я зашипела от боли, проклиная все его кольца, но обрадовалась тому, что он, кажется, начал приходить в себя – пусть медленно, но начал.

Кондор открыл глаза и уставился на меня и на то, во что превратилась комната.

На покрытые инеем стекла – и на серебро.

Оно сейчас было всюду. Мои руки были в серебре, в туманном сиянии, которое уходило сквозь пальцы и оплетало ладонь Кондора, уползало вверх по его руке. Я не могла пошевелиться то ли от страха, то ли почему-то еще, и пальцы разжать я тоже не могла. Они не слушались меня.

Кондор смотрел на все это в изумлении. Он что-то прошептал, зажмурился, глубоко вдохнул – и отпустил мою руку с какой-то странной легкостью.

В тот же момент мне показалось, что внутри меня что-то разбилось на тысячи мелких, острых ледяных осколков – и вместо жидкого огня под кожей разлился холод, жуткий, уничтожающий все, что способно дышать.

Я успела услышать удар, звук открывающейся двери, голос Ренара и то, что Кондор что-то отвечает ему, успела почувствовать, как меня хватают за плечи, открывают мне рот и вливают в него что-то горькое и обжигающее.

А потом мне стало так больно, что лучше бы я умерла, захлебнувшись ледяной водой, текущей с другой стороны мира.

De Profundis

Магия, мадам, пьянит как вино, и если вы непривычны к ней, то рискуете быстро опьянеть.

Сюзанна Кларк, «Прощай-Милость, или Дамы из Грейс-Адье»

Я пришла в себя, когда голоса, эхо которых плыло где-то в моих грезах замысловатыми диалогами, вдруг стали громче и приобрели весьма явные призвуки начавшегося спора.

– Не хотелось бы рисковать своей шкурой, но, Кондор, мать твоя... достойная женщина, здесь не я клювом прощел-

кал.

Это совершенно точно был Ренар.

Потому что кто еще осмелится на такое?

– Твоя задача была очень проста, – огрызнулись в ответ. – И заключалась в том, чтобы развлекать девушку. А не оставлять ее одну в толпе!

В последней фразе было столько гнева, что даже произнесенная не слишком громко, она отозвалась в моей голове приступом острой боли.

– Во-первых, не в толпе, – не в пример спокойнее ответил Ренар. – Во-вторых, так было нужно. В тот момент. Кто же знал?

Кондор вздохнул и ответил уже мягче, с каким-то оттенком раскаяния:

– Да никто не знал. И знать не мог.

Он резко замолчал, словно почувствовал, что я их слушаю. Я попыталась моргнуть. Это удалось с трудом: от крошечного движения жесткий обруч боли сдавил мою голову еще сильнее. Притворяться, что я все еще не в сознании, не хотелось, хотелось пить. Страшно. Такой жажды у меня не было никогда – рот словно высох, губы потрескались и болели.

Я попыталась повернуться набок, но не смогла. Головы была тяжелая, тело не слушалось, оно было обессилено до предела. Я шевельнула рукой, дернула ею судорожно, неловко, и мне показалось, что рука прошла сквозь толщу чего-то

вязкого, тяжелого, мешающего двигаться. Я издала какой-то полувсхлип, полукрик, и теплые ласковые пальцы легли мне на затылок, помогая приподнять голову.

– Тихо, все хорошо, – сказал Ренар.

Он попытался усадить меня рядом, но я бессильно привалилась к его плечу, сгорая от стыда и беспомощности.

– Теперь-то да, все хорошо, – голос Кондора звучал сухо.

Я услышала плеск воды, звон стекла, потом меня заставили запрокинуть голову и влили в рот что-то. Отвратительное. Невероятно кислое. Холодное.

Я попыталась дернуться, но руки Ренара крепко держали меня, да и сил сопротивляться просто не было. Сделать глоток удалось с большим трудом, горло отозвалось саднящей болью.

– Потерпи, милая, – мягко сказал Кондор. – Сейчас будет лучше.

Он говорил что-то еще, совершеннейшую ерунду, вроде той, которую твердят детям, когда дают горькое, но эффективное лекарство. Я не понимала и половины слов, меня ломало и выкручивало, трясло, как при ознобе, и тогда Ренар прижимал меня к себе, словно я могла вырваться и упасть.

Наконец, я смогла открыть глаза. Мир ослеплял меня, он был слишком резким, болезненно-ярким. Я смотрела вокруг, шурясь и чуть не плача от боли, шока и собственной беспомощности, пыталась понять, сколько сейчас времени, и тот ли это вообще день, и что же, черт возьми, произошло?

– Пей. – Кондор протянул мне стакан с чем-то, и я отпрянула, не решаясь взять его, потому что ждала очередного подвоха. – Это просто вода, – сказал Кондор. – Самая обыкновенная. И если ты не выпьешь, я волью ее в тебя насильно.

Моя рука дрожала так, что я чуть не расплескала содержимое стакана, оказавшегося сейчас слишком тяжелым. Зубы стукнулись о стекло. Вода. Действительно, просто вода, потрясающе вкусная, холодная, самая обыкновенная вода.

– Еще. – Я вытерла губы ладонью. – Пожалуйста.

Кондор понимающе хмыкнул.

После второго стакана я сообразила, что сижу на диване в кабинете, одетая в ту же рубашку, которую маг любезно одолжил мне ночью. Голым ногам было прохладно, я смутилась и поджала их, неловко пытаюсь натянуть подол рубашки на колени.

– Оставь, котенок, все, что нужно, мы уже видели, – фыркнул Ренар, и я только зубами скрипнула. – Твоя одежда была вся в крови, – добавил он, словно пытался оправдаться, и покосился на Кондора.

Понятно, в чьей крови.

Меня все еще трясло, но не от холода или озноба, а от страха. Мой мир успел дважды разбиться вдребезги за эту ночь и утро, и я уже не знала, что думать и на что надеяться. Голые колени сейчас действительно были наименее важной из всех моих проблем.

Я затравленно посмотрела на Ренара – на его губах бы-

ла хитрая улыбка, но глаза стали непривычно серьезными, внимательными, как никогда – и перевела взгляд на Кондора, бледного, как смерть, с заострившимися чертами лица, настолько усталого на вид, что, казалось, он сейчас упадет. Опять.

– Что? – неожиданно иронично спросил маг.

– Синяки, – сказала я, – удивительно подчеркивают цвет глаз.

Он сдержанно рассмеялся и сел на стол.

«Знает ли Кондор о том, что было, пока он валялся в отключке?» – подумала я. Сложное и неблагодарное занятие – гадать об этом. Ахо поблизости тоже не наблюдалось, и, наверное, оно было к лучшему. Я тяжело вздохнула, как перед прыжком в холодную воду, и спросила прямо:

– Что я опять натворила?

Кондор приподнял одну бровь и криво усмехнулся.

– Какой интересный вопрос, – сказал он. – Не что случилось и не в чем дело, а что ты опять натворила. С чего бы начать?

Он дотронулся пальцем до подбородка, словно задумался, перебирая в голове варианты ответа.

Ренар ласково погладил меня по плечу.

– У тебя магическое истощение, – сказал он. Кондор бросил на нас внимательный взгляд, но не стал мешать. – Очень серьезное. Такое случается, знаешь, когда волшебники долго действуют на пределе своих сил...

– Или лезут, куда не следует, – закончил за него Кондор. – А вы, леди Лидделл, так хотели спасти меня, что каким-то немислимым образом догадались влить в меня весь резерв, который у вас был. – Он покачал головой, рассматривая меня, как ребенка, который совершил серьезный проступок, сам того не зная. – Все было бы не так страшно, если бы ты не сделала это так... резко и быстро...

– И заодно выморозила весь кабинет изнутри, – сказал Ренар и посмотрел на меня сверху вниз. – Не помнишь?

Я помотала головой.

Но поверила ему. Потому что хорошо помнила иней на всех стеклах и пар, вырывающийся изо рта.

– Твой волшебный кавалер, милая, по всей видимости, решил сделать тебе поистине королевский подарок, – сказал Кондор, и я покраснела. – Он использовал тебя как сосуд для энергии. – Кондор наклонил голову набок. – Я читал о таком, но никогда не встречал.

Ренар присвистнул. Он выглядел удивленным, видимо, тем, что Кондор чего-то такого не встречал.

– Это, конечно, стоило бы заметить сразу, но прогулки по Изнанке в любом случае оставляют след, поэтому я не заметил. – Кондор выждал паузу, дав мне откашляться. Вроде бы без ощущения, что во рту появилась ледяная вода. – Сейчас тебя мучает абсолютно закономерный и справедливый откат. Он неприятный, но уже ничем тебе не угрожает. Кроме головной боли и общей слабости. Но это можно поправить.

Он замолчал, видимо, ожидая, как я себя поведу после всего, что узнала.

Я же повела себя никак. Я ничего не могла.

Ни радоваться. Ни бояться. Ни переживать по этому поводу.

Мне было так плохо, что все, на что я была способна, это сидеть, прижавшись к Ренару, теплому, как кот, и изредка вздрагивать.

– Где... пикси? – спросила я.

Кондор дернул головой, словно не расслышал фразу достаточно четко.

– Ахо? – переспросил он. – Наказан.

– М-м, – только и смогла ответить я.

– Только не начинай его оправдывать, – добавил Кондор.

– Я и не собиралась, – выдохнула я, думая, а все ли он знает.

И если знает, то что мне делать?

«Впрочем, – подумала я, – это сейчас не так уж важно».

И, кажется, за всем этим я пропустила какую-то сказанную мне фразу.

Ренар осторожно потрепал меня по плечу, возвращая в реальность. Кондор осуждающе покачал головой.

– Если все дальше пойдет так же, как сейчас, Мари, я с тобой поседею раньше времени. – Он ловко спрыгнул со стола, налил воды в стакан и протянул мне. Очень кстати, потому что жажда меня все еще мучила. – Когда в следующий раз

решишь спасти мою жизнь, пожалуйста, постарайся не потерять свою.

Я чуть не поперхнулась водой.

– В смысле спасти твою жизнь?

С очень спокойной улыбкой волшебник забрал у меня стакан, поставил его на стол и отошел в сторону одного из шкафов, витражные дверцы которого были плотно закрыты.

– Моей жизни ничего не угрожало, – сказал он, на что Ренар как-то скептически хмыкнул, но промолчал. – Я перенапрягся немного, но... такое бывает. Иногда, – добавил Кондор и получил еще одно скептическое хмыканье в свой адрес.

«Конечно, – подумала я, – магическое истощение, вот как это называется. То, что было с тобой. Если я, конечно, все правильно сейчас поняла».

Вспышка – и шкаф открылся. Разглядеть, что в нем, было сложновато, но я видела какие-то книги и склянки разных размеров, закрытые коробки и ящички. Видимо, что-то ценное, раз Кондор открывал замок магией, а не ключом.

– Сейф для подозрительных зелий?

Я попыталась встать, опираясь на руку Ренара.

Но тот не позволил.

– Ты уверена, милая? – спросил он хитро, и я поняла, что не уверена.

Все куда сложнее, чем я думала: ноги дрожали, каждое движение давалось невероятным усилием. Ренар осторожно

усадила меня назад. Я ткнулась ему в плечо, позволяя привлечь меня ближе и обнять.

– Не только подозрительных и не только зелий, – отозвался Кондор, поворачиваясь в нашу сторону.

В его руке был небольшой флакон из темного стекла, совершенно неприметный в отличие от изящного, сияющего гранями пузырька с моим «снотворным». Я вздрогнула, когда маг, вытаскивая зубами пробку, вытряхнул на ладонь что-то и кинул это что-то в тот самый стакан, из которого я пила.

– Это последнее, что тебе сегодня не понравится, обещаю, – сказал он. – Нет, не настолько не понравится, – добавил он, заметив мой испуг. – Это не больно, просто невкусно.

Стоило плеснуть в стакан воды, как она зашипела и окрасилась в багряный цвет, стала похожа на густой вишневый сироп. Я закусила нижнюю губу, понимая, что, видимо, мне придется это выпить несмотря ни на что. Ренар крепко держал меня за плечи, готовый не давать мне вырваться, если я вдруг вздумаю сопротивляться. Я сделала глубокий вдох, с невероятной болью и обреченностью глядя на изящную руку Кондора, протягивающую мне стакан.

– Зачем? – прошептала я, пытаюсь оттянуть время перед прыжком в неизвестность.

– Быстро восстановит силы. Не только в физическом плане, – ответил волшебник. – Иначе, боюсь, ты проведешь три-четыре дня в постели, добираясь в уборную вдоль стенок.

Я вздохнула и взяла стакан из его рук. Зелье не пахло ни-

чем, только пузырьки щекотали нос, как если бы в стакане была газировка. Зажмурившись, я сделала первый глоток.

Оно было безвкусным до отвращения. Мне казалось, что я глотаю пустоту, только под конец язык царапнули какие-то песчинки осадка. Отсутствие послевкусия оказалось мерзостным, и я сидела, ошарашенная, не зная, к чему готовиться и чего ждать.

А потом под кожей стало щекотно. Кончики пальцев знакомо покалывало, и я от испуга и неожиданности чуть не уронила стакан, который все еще держала.

– Все, началось, – Кондор забрал стакан у меня и кивнул Ренару.

Тот помог мне встать – ноги все еще дрожали, я едва могла сохранять вертикальное положение, не падая и не заваливаясь набок.

– Можно я тут посижу? – взмолилась я.

Пространство вокруг казалось неустойчивым, а я сама – очень легкой, стоит взмахнуть руками – и взлечу. Скорее всего – вниз. Ренар подхватил меня на руки, я аж ойкнула от неожиданности и вцепилась в его плечи, притихнув и стараясь не шевелиться, пока он будет меня нести.

– Нет. У меня большие планы на этот диван. – Кондор открыл двери кабинета, пропуская нас. – Я планирую на нем как следует выспаться.

Погода испортилась окончательно.

Ветер выл за окнами, бился в стекла так, что они дрожали. От густого снегопада сумерки наступили раньше, и там, снаружи, казалось, все заволокло белесым туманом. Силуэты гор спрятались, лес медленно заметало.

Было это просто шалостью погоды или следствием чего-то иного – кое-чего нового знакомства, например, или вмешательства чужой потусторонней воли – не скажешь наверняка. Но сквозняки, гуляющие по замку, стали неприятными.

Любой замок полон сквозняков, конечно. Они гуляют по длинным темным коридорам на правах хозяев, шевелят портьеры, пугая слишком впечатлительных гостей, касаются бо-
сых ног, если зазеваться, гасят огни свечей.

Если долго жить в замке вроде этого, к таким вещам привыкаешь.

Но сейчас все было немного... не так.

Ренар сидел на кухне напротив очага, огонь в котором сейчас тоже горел как-то не так. Он казался тусклым, пламя пожирало дрова нехотя, словно они отсырели. В самом темном углу, сбоку, куда свет очага не попадал, было пусто – Хогаро, боггарт, который облюбывал себе кухню и заботился о ней и двух ее обитательницах, двух девушках, попавших в замок

из окрестных деревень, куда-то ушел.

Не было его уже давно.

Не то чтобы это было неправильно, нет. Богарты могли перемещаться по замку свободно, но каждый привязывался к своему любимому углу и часто дремал в нем днем. День еще не закончился – а Хогаро куда-то пропал. Сидеть в одиночестве было скучновато.

Дверь открылась с легким скрипом, дерево ударилось о камень. Ренар обернулся.

Ива, одна из служанок, тихо проскользнула на кухню. Она, кажется, не сразу поняла, кто здесь, поэтому двигалась осторожно, словно боялась. Но стоило ей разглядеть Ренара, как девушка улыбнулась.

– Ах, это вы, господин...

Она была маленькой и все еще очень худой, словно в доме, где она выросла, ее плохо кормили, и это было уже не исправить. Длинные золотистые волосы прятались под темным чепцом, и потому лицо Ивы казалось еще более детским.

– Ага, всего лишь я. – Ренар улыбнулся в ответ. – А ты ожидала клыкастое чудовище?

Она смутилась и поплотнее запахнула на груди теплую шаль.

А потом подошла ближе и тоже села напротив очага, покосившись на металлическую решетку, на которой стояла сковорода с будущим обедом Ренара и медный чайник.

Чтобы поставить эту решетку в очаг, нужно было дождать-

ся, когда дрова превратятся в угли. А дрова тем временем горели очень, очень лениво.

Ива это отлично знала.

Фэйри не умеют готовить. Человеческая еда в их руках превращается в нечто странное – и не всегда безопасное. Дело редко было в злом умысле, куда чаще – в фейском представлении о природе еды. Поэтому в замке имелаась Ива. И еще одна, вторая девушка – Линд, чуть менее застенчивая, чуть более колючая, со злыми темными глазами. Они обе однажды заблудились в лесу, попали не на ту тропу, по которой должны были идти, и встретили на этой тропе женщину в темном плаще до самой земли, женщину, которая держала фонарь, словно вышла из дома в поисках пропавшей козочки.

Ренар старался не задумываться о том, было это жестокостью со стороны Сильвии или проявлением своеобразного милосердия: обе девушки шли в город, где их ждала не самая приятная судьба, но...

– Составишь мне компанию, Ива? – мягко спросил Ренар.

Она посмотрела на него исподлобья почти испуганно и скромно отвела взгляд.

– С большим удовольствием, господин, – тихо сказала Ива.

Он поморщился и напомнил ей, что называть его господином не стоит, и они оба уставились в огонь. Тот, наконец, разгорелся бойчее.

Когда в очаге остались лишь тлеющие угли, когда содержимое сковородки – три крупные форели с припасенными с осени овощами – были уничтожены, а чай с травами выпит, Ренар потянулся к трубке, оставшейся в кармане сюртука.

И к самому сюртуку.

Потому что что-то действительно было не так.

– Тебе не кажется, что стало холоднее? – спросил он растерянно, сжав ткань в руке.

Ива так же рассеянно кивнула.

– Не кажется, – ответила она. – Так и есть. Госпожа Сильвия сказала, что...

Она не успела договорить: темнота в том углу за очагом, куда свет от огня никогда не попадал, сгустилась, став плотной и живой.

Хогаро объявился.

Он скрывался в тенях, можно было разглядеть лишь силуэт, похожий на силуэт не то ребенка, не то очень маленького, согнутого старостью взрослого, замотанного в лохмотья. Хогаро молчал, но странное напряжение, повисшее в воздухе, нечто такое, похожее на предчувствие беды, почему-то заставляло думать, что если бы боггарт мог – он бы заговорил. Что-то мешало ему.

Ренар сделал Иве знак, чтобы она вышла в коридор. Девушка послушалась: она выскользнула за дверь быстро и тихо, как тень, не задавая лишних вопросов, не демонстрируя наигранной обиды. Она не станет подслушивать под дверью,

Ренар знал это совершенно точно, скорее – убежит искать, что бы такого сделать, чтобы быть полезной.

Напряжение исчезло.

Хогаро вздохнул – если о фэйри можно было бы это сказать – абсолютно по-человечески. Он выбрался из угла, отряхнулся, как большая собака, поежился и поднял на Ренара лицо.

Почти человеческое – и потому все еще жуткое. Куда более жуткое, чем могла бы быть оскаленная хищная морда или голый череп с провалами глазниц.

– Гость, – сказал Хогаро. Голос его звучал как голос человека, которому сложно говорить: хрипло, резко, сдавленно. Человеческий язык был Хогаро непривычен – и он бросался короткими, рваными фразами. – Гость у входа. Пришел из города. Человек. Стоит у ворот. Холодно.

Он замолчал, словно устал говорить, остался на месте, тяжело дыша и глядя на Ренара исподлобья, настороженно, будто бы ждал какого-то решения.

Чувство, что что-то не так, снова нахлынуло.

Это были чары боггартов – безобидных, в принципе, созданий, которые не любили, когда на них смотрят посторонние. Чары могли вызывать кошмары, внушить, что в темноте скрывается что-то недоброе, голодное и опасное, придавить случайного свидетеля необъяснимым ужасом к полу. Боггарты не питались чувствами, в отличие от многих других фэйри, куда больше им по нраву была миска свежих сливок, но

они умели эти чувства внушать. Страх был самым простым. Даже когда всего-то и нужно было заставить собеседника набросить на плечи сюртук и выйти навстречу к незваному гостю.

– Сильвия знает? – на всякий случай уточнил Ренар, не сомневаясь, впрочем, что уж Сильвия-то точно знает.

Хогаро кивнул – и медленно, с явной усталостью отполз в свой угол.

Метель и правда разгулялась. Пока Ренар дошел от входа в замок до ворот, кутаясь в старый шерстяной плащ, на капюшоне успела собраться горка снега. Снег пытался налипнуть и на фонарь, который Ренар нес в руках, но внутри фонаря были три свечи, и снег таял, капли воды оседали на стеклах и падали вниз.

Выходить вот так – одному, с фонарем, в белесых зимних сумерках, в непогоду – к незнакомцу за воротами было, наверное, неосмотрительно, но Ренар отлично знал, что произошло бы с кем-то, явившимся в замок с недобрыми намерениями. Если Хогаро сказал, что там человек, значит, там был человек. Один. Совершенно беззащитный и перед зимней бурей, и перед тем, что стояло у Ренара за спиной. Ме-

тафорически, конечно, но лишь до поры.

Поэтому Ренар постарался придать себе беспечный вид и без страха распахнул калитку в воротах.

И поднял фонарь повыше, разглядывая человека в форме стражника Йарны. По всей видимости, важного человека, потому что далеко не каждый из стражников имел честь носить не просто знак отличия, но форменную куртку.

– Доброго вечера, господин Кайрен, – сказал Ренар, когда понял, кто перед ним, и отошел в сторону, чтобы вечерний гость смог шагнуть во внутренний двор замка. – Не скажу, что рад вас видеть, но, признаюсь, изрядно удивлен...

Начальник городской стражи Ульрих Кайрен бросил на Ренара раздраженный взгляд. Ему не нравилось здесь находиться, он был... не зол, скорее, недоволен всем этим: и погодой, и слишком веселым тоном Ренара, и тем, что оказался не в городе, у камина в собственной гостиной, а в замке, затерянном в лесах, куда попал, конечно же...

– Герхард провел вас через портал? – уточнил Ренар, хотя других вариантов не было.

Идти в тепло он не торопился. Не из вредности – из странного желания проверить пределы терпения столь важной шишки, как начальник стражи.

– Мастер Оденберт воспользовался ключом, – сказал господин Кайрен. Метель постепенно превращала его в снеговика. – И просил меня...

Его рука нырнула в карман форменной куртки, но Ренар

решил, что с бедняги хватит.

– Просил вас показать нам некий амулет, – кивнул он и махнул рукой в сторону дома. – Покажете его волшебнику, если он не спит, или госпоже Сильвии. А пока, прошу, пойдёмте в тепло. Болтать на морозе – не лучшая идея.

Ива встретила их почти сразу за дверью черного хода. Она сторожила вход – на всякий случай – и была готова бежать и звать кого угодно, если потребуется. Ренар кивнул гостю на вешалку, ряд металлических крючков, торчащих из стены.

– Можете оставить куртку и шляпу здесь, господин Кайрен, – сказал он все с той же беспечностью. – Ива, будь так добра, передай, что нам нужен очень горячий чай и отличный огонь в Зеленой зале, а еще... – Он посмотрел на девушку внимательно, словно пытался понять, под силу ли ей еще одно поручение, и сказал, понизив голос, чтобы чужак не расслышал: – А еще нужно, чтобы или ты, или Линд отвлекли нашего господина мага от столь важного дела, как отдых. Пожалуйста, – добавил он, видя, как Ива поменялась в лице.

Она очень боялась Кондора – каким-то почти суеверным страхом, который за несколько лет так никуда и не делся. Заставлять ее идти проверять, проснулся ли он, было почти жестоко, и Ренар чувствовал что-то вроде угрызений совести. И был готов в случае чего придумывать другой план.

Но Ива покорно кивнула и исчезла, прихватив с собой еще один фонарь.

Господина Кайрена Ренар видел всего пару раз. Они были знакомы – представлены друг другу, потому что когда-то давно Кондор об этом позаботился, но Ренар старался держаться подальше от любого из стражников и тем более от их начальства. Себе дороже с такими связываться, рассуждал он и старался не связываться.

Господин Кайрен казался со стороны взрослым, матерым хищником, умным и сильным. Было в нем, правда, что-то доброе, но Ренар не сомневался, что эта доброта имеет свои пределы и на кого-то вроде него в случае чего не распространится.

Но сейчас они были не в городе, а значит, правила игры менялись.

Ульрих Кайрен выглядел почти смущенным. Совсем не начальственным. Темные, с еле заметной пока проседью волосы промокли от снега, на лице застыло выражение хмурой сосредоточенности, которое делало его суровее. Господин Кайрен, наверное, не знал, к чему готовиться, кого он встретит здесь, и как его примут, поэтому боялся – но страха не выдавал.

– На самом деле, – сказал он, когда Ива ушла, оставив их одних. – Я должен лишь передать Мастеру дель Эйве письмо и пару фраз. Это, скажем так, очень важно.

«Конечно, важно, – подумал Ренар. – Раз уж ты пришел сюда под вечер. Раз уж Герхард отправил тебя к нам, у него должно быть очень веское основание».

– Пока мы идем в гостиную, вы расскажете мне, что случилось, – сказал Ренар чуть серьезнее, чем говорил до этого.

– Боюсь, это дело к волшебнику, – ответил господин Кайрен почти резко.

– Мастер дель Эйве сейчас занят. – Ренар улыбнулся. – Так что вам придется либо довольствоваться моим обществом, либо подождать. Но я в любом случае не прошу себе, если не дам вам возможность согреться, поэтому прошу. – Он чуть поклонился и указал рукой в ту сторону, куда им нужно было идти. – Чашка горячего чая и живое пламя в камине – то, что нужно после прогулки в метель. Пусть даже короткой. Поверьте, я знаю, как крута лестница, ведущая от портала, и как темен лес вокруг нее.

Взгляд господина Кайрена все еще был полон недоверия, но Ренар не сомневался, что тот согласится и на чай, и на беседу.

– Случилось нечто... необычное, – сказал господин Кайрен уже в Зеленой зале. – Что-то, что заставило Мастера Герхарда просить вашей помощи.

Он сидел в кресле почти на самом краю, как застенчивая девица, и беспокойно озирался по сторонам. Озирался он и по дороге сюда: все коридоры и лестницы они прошли молча, потому что начальнику городской стражи было неуютно. Ренар чувствовал своеобразное злорадство, когда господин Кайрен хмурился, пряча за суровостью испуг. Не каждый день такое увидишь.

Впрочем, Ренару хватило и ума, и такта не выдать свое злорадство и не начать подначивать беднягу.

И сейчас он сидел в кресле напротив господина Кайрена, спокойный и настолько серьезный, насколько мог, и внимательно слушал.

– Не знаю, имею ли я право говорить это вам, господин...

Стражник замялся, и Ренар понял, что так и не назвал ему свое имя.

А тот и не торопился спрашивать, пока не приперли к стенке.

Ренар усмехнулся и представился, извинившись за то, что не сделал этого раньше. За долгие годы он привык, что кто-то вроде него, в определенных обстоятельствах, конечно, не входил в планы и не брался в расчет, когда нужно было решать серьезные вопросы. Иногда это раздражало, даже обижало, иногда – как сейчас, было почти все равно.

Скорее всего, господин Кайрен решил, что слуга волшебника из замка проводит его до самого волшебника и исчезнет, но ишь ты – теперь этот самый слуга сидит перед ним с вполне хозяйским видом и ждет объяснений.

Пока сам волшебник спит.

И если бы Ренару пришлось решать, он бы заставил его проспать еще сутки. И никаких стражников, никаких Герхардов с их проблемами.

– Стучилось нечто необычное, – продолжил господин Кайрен. Он устроился в кресле поудобнее, словно теперь, ко-

гда знал условное имя собеседника, ему стало не так страшно. – Один юноша, сын весьма уважаемого горожанина, заколдован. Весьма жестоким способом. Он, скажем так, потерял способность говорить, и наш Мастер пока не смог снять с него это заклятие. Поэтому он...

– Отправил вас к нам, я понял, – Ренар кивнул.

– Он передал через меня письмо для Мастера дель Эйве. – Господин Кайрен вытащил из поясной сумки небольшой конверт и положил его на стол рядом с подносом, на котором уже почти остыл чай. К чаю господин Кайрен так и не притронулся, и это Ренар тоже находил забавным. – Сказал, что описал там проблему так, чтобы господин волшебник понял, с чем имеет дело. Поэтому...

– Поэтому вам нужен наш волшебник, я понял. – Ренар снова кивнул. – Я отправил служанку за ним. Но волшебники, знаете ли, очень занятые существа, поэтому пейте чай, господин начальник стражи, в любом случае придется ждать.

– В таком случае, – господин Кайрен расправил плечи, – вы не будете против, если я закурю?

– О, я с удовольствием составлю вам компанию!

Кондор появился еще до того, как Ренар начал беспоко-

иться и думать, как бы еще задурить голову незваного гостя. Господин Кайрен уже начал задавать вопросы, неудобные вопросы о замке, например, о том, кто в нем работает, кто живет здесь, кому он принадлежит. Что ему отвечать – было неясно, потому что Ренар не знал до конца всю ту ложь, которую в свое время скормили градоначальнику Йарны, а тот, в свою очередь, своим подчиненным. Поэтому Ренар ускользал от ответов, болтал о погоде, о разыгравшейся метели, о празднике, который прошел и которого господин Кайрен, конечно же, толком не застал.

– Много работы, – отговорился он и нахмурился. – Должен же кто-то следить за порядком.

Он замолчал буквально на пару мгновений, а потом открыл было рот, чтобы сказать что-то еще, что, кажется, давно зрело и хотело быть высказанным, и Ренар уже приготовился уводить тему в сторону, как дверь, ведущая в зал, открылась, и появился волшебник.

То, что еще четверть часа назад он, скорее всего, спал, не замечая ничего происходящего, выдавала лишь странная рассеянность, которая бросалась в глаза тем, кто хорошо знал Кондора. Он был одет так, словно его не с дивана стащили, а поймали на выходе из замка куда-нибудь по тем таинственным делам, которыми он занимался. Но движения были осторожными и плавными, а взгляд – не таким острым, как обычно.

Вряд ли господин Кайрен заметит эту странность.

Он не заметил.

Он резко вскочил, совершенно довольный тем, что ожидание, наконец, закончилось, а значит, можно выполнить задание и со спокойной душой уйти из этого странного места. Письмо, которое только что лежало на столе, и из-за которого Ренар чувствовал приступ жгучего, невыносимого любопытства, было подхвачено и вручено адресату быстрее, чем тот успел поздороваться с гостем.

Кондор рассеянно моргнул и остановился, не дойдя пару шагов до свободного кресла.

Он медленно вытащил письмо из конверта, развернул его и уставился на написанное, краем глаза следя за господином Кайреном, который что-то говорил.

То же самое, что недавно говорил Ренару.

С небольшими дополнениями.

Ренар стал слушать внимательнее, чтобы понять, к чему быть готовым. Он заметил, что в дверях мелькнуло бледное личико Ивы: девушка поймала его взгляд, кивнула и снова исчезла, сбежала куда-то по своим делам. Шаль на ее плечах была плотно запахнута, и Ренар вспомнил, что так и не получил ответа на свой вопрос.

А в замке и правда стало холоднее. Дерево на фреске над камином, обычно застывшее в ранней осени, сейчас казалось потрепанным, потерявшим часть своих листьев.

Ренар на всякий случай моргнул, чтобы проверить, не было ли это наваждением, игрой теней и света.

Не было. Дерево засыпало, листья с его веток падали вниз, к полу. Птицы и белки меняли свое положение, куда-то исчезали, прятались... Значит, что-то шло не так.

– В мои планы на вечер не входили деловые визиты, тем более что погода отвратительна, – раздался голос Кондора, такой же холодный, как возникший откуда-то сквозняк. – Но Мастер Оденберг весьма убедителен в своих аргументах, поэтому я пойду с вами, господин Ульрих. Посмотрим, смогу ли я чем-то помочь.

Он перехватил удивленный взгляд Ренара, подошел ближе, протянул письмо – и снова обернулся к стражнику:

– Я проведу вас через Дверь, конечно, – сказал волшебник. Он бесцеремонно утащил с подноса чью-то чашку и сейчас методично один за другим кидал в нее куски сахара. – Так что ключ вам не понадобится. Дайте мне только собраться и... Ты прочитал? – резко спросил он у Ренара.

– Нет, конечно, – почти огрызнулся тот. – Думал, ты мне его подержать дал.

Кондор демонстративно посмотрел на потолок.

Господин Кайрен, кажется, пришел в смятение.

Ренар развернул листок и встретился с понятным знакомым почерком Герхарда Оденберга. Письмо начиналось, конечно, с формальной вежливости, обращенной к Мастеру дель Эйве.

– Когда прочитаешь, поймешь, что делать. – Кондор выпил чай быстро, словно мучился жаждой. – А я прогуляюсь

до Йарны с нашим гостем. Плохое решение, знаю, но я надеюсь вернуться через пару часов, – добавил он мягче. Прозвучало это почти как извинение. Он поставил чашку на поднос и кивнул стражнику: – Пойдемте, господин Кайрен. Не будем заставлять Мастера ждать еще дольше.

Ренар к тому моменту добрался до сути проблемы, спрятанной за витиеватым, полным скрытой злобы описанием событий, которые привели к нынешнему положению дел.

– Если все так, – сказал он Кондору. – То не проще ли подождать до утра, когда...

– Вот и проверю, – волшебник перебил его, не дав договорить про то самое «когда».

Потому что, наверное, господину Кайрену, наострившему уши, не стоило об этом знать. Иначе у них у всех – у всех троих – могли начаться проблемы.

Что бы ни было в том стакане, который меня заставили выпить, после этой штуки я спала как убитая. И выспалась так, как не высыпалась, наверное, с детства.

Кто-то распахнул портьеры, но небо за окнами еще только начинало светлеть. Чужая спальня тонула в холодных сумерках, и холоден был не только свет, но и воздух. Я, кажется,

ся, даже проснулась потому, что начала мерзнуть, и мир за пределами одеяла был неприятным. Вылезать в него не хотелось.

Хотелось закопаться поглубже и спать еще и еще.

Подушка все еще пахла травами и лимоном, и этот запах почему-то успокаивал меня.

Я зажмурилась и зевнула, намереваясь снова исчезнуть под одеялом, но перед глазами скользнула чья-то тень.

– Тс-с... – Кондор приложил палец к губам. – Это всего лишь я.

Он сидел на краю кровати, и я больше угадывала, чем видела черты его лица.

Я поднялась на локтях и попыталась стряхнуть с себя остатки сна.

– Что ты тут делаешь? – спросила я рассеянно, и получила в ответ смешок.

Конечно. Что он делает в своей спальне? Какой глупый вопрос.

– Собирался тебя разбудить, – ответил Кондор спокойно. – Прости, если напугал.

– М-м-м... – Я моргнула. Голова все еще была тяжелая. – Я почти не испугалась.

– Вот и славно, милая. – Он мягко, беззвучно встал. – Твое платье лежит на кресле. Тебе хватит четверти часа, чтобы собраться?

– Куда? – все так же сонно спросила я, сообразив, что если

уж они принесли мне платье, значит, пойдём мы куда-то, где мне нужно изображать из себя местную жительницу.

То есть – не к своим.

– Что-то случилось? – спросила я прежде, чем Кондор ответил на предыдущий вопрос.

Он застыл буквально на несколько секунд, словно обдумывал то, что собирался мне сказать.

– Случилось, – наконец выдохнул Кондор. Его спокойный до этого голос чуть дрогнул, и все сонное благодущие с меня тоже слетело. – В последние дни, если ты не заметила, постоянно что-то случается. Тебе нужно позавтракать, милая, а потом мы поговорим обо всем, что... случилось.

– Скажи сейчас, – не то приказала, не то попросила я.

Потому что еще немного напряженного ожидания, еще немного недоговорок, скрывающих неприятные тайны, и я начну реветь по малейшему поводу. И начну прямо сейчас.

Кондор пожал плечами и снова сел на кровать – на краешек, подальше от меня.

– Я не хотел портить тебе аппетит.

– Он уже испорчен, поверь мне. – Я тоже села, выпрямилась, но ноги из-под одеяла высовывать не торопилась. – Что-то серьезное?

Он помолчал. Мне казалось, что он смотрит на меня, но действительно ли это было так – не знаю. Кондор не торопился зажигать кристаллы, словно эти странные сумерки сейчас нравились ему больше, чем волшебный оранжевый свет, а

я, конечно, считала, что на чужой территории действуют те правила, которые устанавливает ее хозяин, и не своевольничала.

– Как тебе сказать, милая, – наконец протянул волшебник. – Некий юноша из Йарны вчера утром проснулся, скажем, немым, – вкрадчиво сказал Кондор. – Его друг признался, что ночью несчастный имел неосторожность сказать несколько обидных слов в сторону некой девушки, к которой они решили пристать на улице рядом с одной таверной. Девушка пообещала, что у парня отсохнет язык...

– Если он еще раз посмеет открыть пасть в ее сторону, – закончила я, нервно сглотнула и уставилась на Кондора огромными от ужаса глазами. – Я...

– Ты. – Даже в сумерках было видно, что Кондор улыбнулся – нет, оскалился. – А я их запомнил и довольно хорошо. Потому что, кажется, именно я их спугнул. У тебя и правда талант находить неприятности. – Он чуть наклонился в мою сторону. – И, как видишь, еще много других талантов.

– То есть, – осторожно уточнила я. – У него правда... отсох язык?

Господи.

– Ну, похоже на то. Ты же не уточняла, как это должно выглядеть?

В голосе Кондора звучало что-то, похожее на иронию. С него станется найти все это забавным, конечно, но мне стало не до смеха.

Я замотала головой, прикрыв лицо ладонями, словно вот так, спрятавшись и сделав вид, что не верю, смогу изменить случившееся. Фантазия уже рисовала суд, разбирательство и костер инквизиции – или как у них тут наказывают магов, нанесших вред простому человеку, пусть даже случайно?

То есть, получается, я маг?

– А у тебя остались сомнения в этом?

Видимо, я произнесла последнюю фразу вслух – и получила прямой ответ.

Я посмотрела на Кондора, все еще закрывая рот рукой, словно боялась, что мое неосторожное слово вызовет апокалипсис.

– Я... я правда это сказала, – всхлипнула я и добавила, оправдываясь: – Но я не хотела...

– Т-с-с... – Кондор, как и в самом начале, прижал палец к губам, призывая меня успокоиться. – Тебя никто и не обвиняет. Стража не знает. Пока. Только не плачь, пожалуйста, у меня и без этого голова болит, – сказал он тихо и с таким отчаянием, что я быстренько собралась и постаралась не реветь. – Ничего непоправимого пока не произошло, поэтому одевайся, ешь – и будем придумывать, как нам выкрутиться из всего этого.

Утро выдалось промозглым и отвратительным во всех отношениях.

Затянутое тучами небо висело низко, воздух был перенасыщен влагой и холодом – казалось, достаточно выйти за дверь, как ты покрывался тонким слоем ледяной воды. Она пропитывала одежду и волосы, коварно пробираясь к коже. Снег налипал на сапоги. В рассветных сумерках лес казался неуютным и злым, и, пока мы спускались к порталу по импровизированной лестнице из старых камней, я едва не упала, поскользнувшись на слое льда, скрытого рыхлым снегом. Ренар молча перехватил меня, даже не улыбнувшись.

Я чувствовала себя преступницей, которую вели на казнь, и тоже не улыбалась.

Только Кондор не выглядел мрачной тучкой. Он был сосредоточен и, кажется, зол, но страшные тени под глазами исчезли. Видимо, диван в кабинете действительно оказался удобным, и волшебник все-таки выспался и был сейчас готов думать и действовать.

Короткий завтрак не прошел в молчании, он был полон колючих, неудобных вопросов и разговоров о лжи. О той лжи, которой нужно было накормить городскую стражу, если она заинтересуется случившимся чуть больше, чем уже

заинтересовалась. И, возможно, Герхарда.

Хотя как раз он все уже понял.

Герхард написал письмо и передал его через стражника, которого в детали истории, конечно же, не посвятили. Видимо, в Йарне было не так много рыжих красавчиков. И еще меньше – тех, рядом с которыми можно было заметить девицу со слишком короткими волосами. Все так сошлось, все так совпало, что я привлекла внимание двух наглецов – и случайно для себя прокляла одного из них. Кондор мог бы снять это проклятие сам, но ему зачем-то понадобилось мое присутствие, поэтому я спускалась по ледяным ступеням к арке портала.

Мастер Оденберг встретил нас едва ли не на выходе из арки, нахмуренный, собранный и полный подозрения и странного любопытства, словно я была чем-то удивительным, но смотреть на меня, по крайней мере – явно и пристально, запрещалось. Герхард поприветствовал Кондора коротким сухим кивком, сделал вид, что не заметил Ренара, и уставился на меня.

– Доброго утра, миледи, – холодно и тихо сказал он. – Как ваше здоровье? Мне сказали, что вчера вы дурно себя чувствовали, поэтому не смогли лично прийти и исправить то, что натворили.

Конечно, вчера вечером я спала, не помня себя, потому что до того чуть не умерла.

Я разозлилась.

Я знала, что была под надежной защитой, поэтому не стала ни сутулиться, пытаясь спрятаться от осуждения, ни опустить взгляд в пол в покорном смирении с еще неведомой мне участью. Наоборот, я заставила себя задрать голову и смотреть прямо в глаза Мастера Герхарда, пусть мне сейчас было страшно от неизвестности и хотелось провалиться сквозь землю.

Мне строго-настрого было приказано молчать. Поэтому я молчала.

Когда рука Кондора легла на мое плечо, я чуть не подпрыгнула от неожиданности.

– Осторожнее, Герхард, – насмешливо сказал Кондор. – Как бы она и вас не прокляла ненароком. Вы же знаете, слабый контроль силы, эмоциональность, тем более – женская, это так... опасно и непредсказуемо. Одно неверное движение – и ты жаба!

Продолжая говорить, он утянул удивленного Герхарда прочь из уютной, безликой комнаты, предназначавшейся для выходящих из портала гостей. Я пыталась справиться с дрожью в коленках и затормозила, но унылый, какой-то слишком уж тихий Ренар подхватил меня под ручку и повел следом.

– Ты чего такой странный? – шепотом спросила я, втайне боясь услышать, что именно я стала причиной дурного настроения.

– М-м-м... – Он медленно, почти лениво моргнул, осто-

рожно поворачивая голову в мою сторону. – Слишком много брендивайна, золотце. И чего-то еще. Я порядочно ограбил вчера Птицу.

В прошлый раз мы были только в гостиной, предназначенной для тех, кто пользовался порталом. Сегодня меня повели вверх, на второй этаж. Ступени лестницы чуть скрипели под ногами. Мне было стыдно за такое бессовестное вторжение в чистый, пусть и немного холодный и одинокий чужой дом. Ботинки оставляли мокрые следы на ковровых дорожках, и это заставляло меня чувствовать себя еще более виноватой.

– Тогда зачем ты пошел с нами?

Я прислонилась к стене напротив двери, в которую зашли господа волшебники, и исподлобья уставилась на Ренара.

Тот покосился на дверь, словно прислушиваясь к тому, что происходило за нею, а потом приложил палец к губам, призывая к тишине, и, наклонившись к моему уху, прошептал:

– Из-за тебя пострадал человек. Нет, не дергайся, Мари, все не так... плохо, как могло бы быть. Герхарду невыгодно выдавать тебя. Он насторожен, но не зол, и раздражен он больше тем, что сам не смог снять с парня твое проклятие... или что ты там с ним сделала. Но... – Он приобнял меня за плечи. – Но. Если вдруг возникнут проблемы, лучше, если с тобой окажутся двое взрослых мужчин, чем один маг, который вчера едва не падал от усталости. Ну, не трясись ты так, глупая! Подумаешь, наказала нахала. Что, никогда не была

по морде слишком приткших поклонников?

Я замотала головой, истерически хихикая, потому что от самой ситуации хотелось плакать, но Ренару как-то удавалось... переключить меня.

– Н-нет, не била.

– Иногда полезно.

Он хотел сказать что-то еще, но дверь в этот момент открылась, и Кондор бесцеремонно втопил меня в комнату – узкую, темноватую, скудно обставленную, словно тот, кто выбирал для нее мебель, совершенно не думал об уюте. Пахло здесь пылью и затхлостью. У единственного окна стоял небольшой столик с подсвечником, а на кровати рядом с ним – односпальной, с выцветшим и потертым узором на деревянной спинке – сидел тот самый парень, с которым мы столкнулись на крыльце таверны.

– Ой, – беззвучно сказала я, прижимая руку ко рту.

Он смотрел на меня огромными от ужаса глазами и ничего не говорил, только невнятно замычал, когда понял, что я его узнала. На бледном, осунувшемся лице уже не сияла нахальная улыбка, бескровные губы, обкусанные и потрескавшиеся, были плотно сжаты, словно парень пытался справиться с болью.

С минуту мы просто разглядывали друг друга, и я не решилась бы утверждать, кто из нас был больше напуган происходящим, а потом мой обидчик, ставший моей жертвой, попытался что-то сказать, но не смог – и заплакал.

То есть – в самом что ни на есть прямом смысле заплакал.
Молча.

Меня бросило в жар, потому что вместо языка в открывшемся рту мелькнуло что-то... в общем, что-то совсем не то, что должно быть. Я понимала, что лучше не смотреть в ту сторону, но какое-то мазохистское стремление вынуждало меня додумывать картину в голове и раз за разом возвращаться к ней.

Мой собственный язык стал вдруг тяжелым, и я чувствовала его, как что-то чужое.

Отвратительно.

Я прижала руку к животу.

– Этот? – донеслось до меня. – Мари, это тот самый?

Я обернулась к Кондору и кивнула, пытаюсь не разревевшись от страха и отвращения.

Тот нахмурился еще сильнее.

– Вот как, юная леди... – Герхард сделал шаг вперед. –

Признаете свою вину?

Парень мычал.

Я нервно сглотнула.

Я была в ловушке.

От страха очень кружилась голова.

– Боюсь, Мастер, леди Лидделл не виновата.

Единственное окно в комнате вдруг с резким щелчком задвижки распахнулось, и дышать стало немного легче.

Кондор коротко улыбнулся и подмигнул мне, а потом сно-

ва сделал серьезное лицо и обернулся к пострадавшему парню. Тот запаниковал, как на приеме стоматолога, испугавшись Кондора намного больше, чем даже моего появления, и, когда волшебник положил ладонь ему на голову, затих, всхлипывая.

– Спокойно, – посоветовал ему Кондор. – Скажи спасибо, что меня там не было, потому что это ты еще легко отделался. – Он обернулся к Герхарду. – Вы думали, я оставлю девушку без защиты на тот случай, если она привлечет к себе лишнее внимание со стороны таких, как этот молодой господин? Это действительно обычное проклятие, Герхард, и оно честно заслужено. Моя подопечная все мне рассказала. Я уберу физические последствия, но оставлю след на ауре.

Кондор разыгрывал тот спектакль, о котором мы договорились в замке.

– Милорд, – вкрадчиво ответил Герхард. – Не делайте из меня дурака. Если бы эти чары были вашей работой, вы бы расправились с ними еще вчера.

– М-м-м... – Кондор с ленивой улыбкой наблюдал, как сияющие нити магии с его пальцев втекают в рот к моей жертве. Парень не дергался, только смотрел на своего мучителя так, словно тот его живьем есть собрался, и это – первый этап подготовки. – Мог бы. Но не стал. Мне бы хотелось, чтобы юноша усвоил один урок. Хамить магу или его подопечному – это очень, очень неправильный ход, если хочешь жить долго и счастливо и, самое главное, сохраняя важные и нуж-

ные части тела в рабочем состоянии. Я надеюсь, что господин Франц... – Кондор вопросительно посмотрел на Герхарда. – Я правильно запомнил, как его зовут?

Герхард кивнул, вздохнув при этом очень тяжело.

– ...господин Франц найдет в себе силы принести леди Лидделл самые искренние извинения.

Господин Франц кивнул и, когда Кондор убрал руку с его темной растрепанной макушки, сначала схватился рукой за рот и уставился абсолютно безумным взглядом в пространство, а потом согнулся пополам. Его широкие плечи слегка подрагивали. Кондор отошел на шаг в сторону, глядя на несчастного с таким презрением и холодом, что и ад бы замерз.

– Милорд, – напомнил о себе Герхард. – Снимите проклятие с юноши раз и навсегда. Или хотя бы позвольте мне это сделать.

Он все еще говорил таким тоном, словно пытался быть вежливым из последних сил, и, была бы на то его воля, он бы заставил Кондора сделать то, о чем его просят.

– Я не уверен, что юноша не попытается сказать что-то... плохое о девушке, которая находится под моей опекой. – Кондор посмотрел сначала на Герхарда, потом перевел взгляд на меня. – Жестокие уроки обычно очень хорошо запоминаются, – добавил он.

И я поняла, почему я оказалась здесь, а не продолжала отсыпаться в одной из комнат замка.

И чуть не вспыхнула от обиды и возмущения, потому что вот так мы не договаривались. Или я что-то не так поняла.

Значит, он так импровизирует, зараза, решив вдруг ткнуть меня в мою ошибку, как нашкодившего котенка? Словно мало мне было уроков за последнюю пару суток!

Но Кондор на меня уже не смотрел.

– Его семья будет недовольна, милорд. – Герхард поежился и закрыл окно, не магией – руками. – И, скорее всего, недовольны будут не только они. Нет, я ни в коем случае не пытаюсь сказать, что я не на вашей стороне в данной ситуации. – Он начал говорить быстро, словно оправдываясь под тяжелым прямым взглядом Кондора. – Но вы же знаете, милорд, здесь есть люди, которым будет выгодно обвинить вас в злоупотреблении...

– Пусть попробуют. Я сейчас в своем праве. Абсолютно.

Я бы с удовольствием сейчас очутилась в коридоре рядом с Ренаром, но, увы, господа маги решили, что мое присутствие здесь необходимо.

Франц вдруг выпрямился и посмотрел прямо на меня.

Я замерла и попыталась вжаться в стенку, потому что не знала, чего ожидать: слишком уж бешеным был этот взгляд. С чем там сравнивают такое? Со взглядом загнанного зверя, который готов броситься на противника со всей решительностью и отчаянием?

Конечно, вряд ли Франц попытался бы причинить мне вред в присутствии двух магов, но выглядел он сейчас по-

что устрашающе и одновременно жалко: бледный, с растрепанными и немного влажными волосами, едва не плачущий мальчишка с горящими глазами. Он стремительно преодолел разделяющее нас расстояние и бухнулся передо мной на колени прежде, чем кто-то вообще успел что-то сделать.

– Смилуйтесь, госпожа! – едва ли не истерически вскрикнул он. – Простите меня!

Я бросила взгляд на Кондора. Тот стоял, скрестив руки на груди, и смотрел на меня с видом, мол, решай, леди Лидделл, твоя очередь что-то делать.

– Франц, я приняла ваши извинения и... – Я нервно сглотнула. – И больше не держу обид.

«Только встань с колен, пожалуйста», – добавила я мысленно.

Кондор одобрительно улыбнулся мне.

– Леди сказала свое слово, Франц. Прекратите открывать рот, как удивленная рыба, и встаньте, наконец, с колен. Вот видите, Герхард, – добавил Кондор уже в другую сторону. – Стороны примирились. Но след пока останется, чтобы...

Дверь открылась резко и неожиданно для всех.

– Прошу прощения, если помешал вам... в несомненно важном и таинственном деле. – Ренар обвел нас всех взглядом и остановился на Герхарде. – Но, Мастер Оденберг, в вашу дверь уже пару минут настойчиво стучат.

На лице Герхарда сначала появилась неприязнь. Видимо, его покорило, что Ренар, на которого он старательно не

обращал внимания, вдруг набрался наглости и заговорил с ним напрямую. Потом смысл сказанного дошел до Герхарда, и волшебник, поджав губы, кивнул.

– Если это то, о чем я думаю, – сказал он холодно. – То, Мастер Юлиан, вашей подопечной лучше побыть здесь.

Кондор удивленно посмотрел на него.

– Отец юноши. Он обещал зайти, как вы помните. Я говорил вам вчера, что это возможно, – пояснил Герхард снисходительно. Я заметила, как во взгляде Кондора мелькнуло неприятное удивление, а уголок губ дернулся вверх. Кондор почти начал злиться, но его коллега демонстративно это игнорировал. – И еще я говорил, что он – не последний человек в городе, Мастер Юлиан, поэтому в интересах юной леди сидеть тихо.

Юная леди с удовольствием бы провалилась сквозь землю.

– Пойдем, Франц. – Герхард позвал мальчишку совсем другим тоном. Более... тепло? Словно пытался подчеркнуть свое к нему отношение. – Или ты хочешь остаться здесь?

Здесь оставаться Франц не захотел. Он покорно вышел за дверь, которую для него любезно придержали, бросив на меня затравленный взгляд.

А потом дверь закрылась за Мастером Оденбергом, и мы остались втроем.

– Он такой... недовольный, – сказала я в пространство.

– Еще бы ему быть довольным, – Кондор подошел и сно-

ва открыл окно, впуская в комнату свежий, очень холодный воздух. – И я его отлично понимаю. Пока что будь еще тише, чем ты ведешь себя, когда не злишься, милая, и постарайся не делать резких движений. Сколько там человек, Ренар?

Ренар покосился куда-то в сторону двери и сощурился.

– Я чувствую четверых, – ответил он после короткой паузы. – От одного несет злобой, и очень хорошо.

Я посмотрела на него, понимая, что он сказал нечто странное. Ренар перехватил мой взгляд и тонко улыбнулся, чуть задрав голову, словно пытался покрасоваться.

– Стоило догадаться, – тихим шепотом сказал он. – Что отец этого бедняги подсуетится и прибежит сюда сам со всем разбираться. Ну что? – Он посмотрел на Кондора, который стоял у окна, запрокинув голову, словно пытался найти на потолке подсказки. – Выйдем посмотреть спектакль или оставим Герхарда одного разбираться с этим всем?

Кондор перевел взгляд на него, потом на меня, потом вздохнул и оторвался от стены.

– Мне не нравится сидеть здесь и ждать, пока они что-то решают, – сказал волшебник, недобро хмурясь. – Выйдем. Под мороком. – Он снова покосился на меня. – Нам нужно не выдать себя.

Я неуверенно кивнула в знак того, что поняла его. И постараюсь не выдать себя.

– Тогда пойдем.

Он не делал никаких пассов руками, не произносил за-

клинаний – как и в прошлый раз, тогда, в Лорна-Тир, где я просто обнаружила, что мое отражение изменилось. Даже воздух не искрился. Кондор взял меня за руку и утянул за собой в коридор. Ренар шел за нами.

Мы остановились у спуска лестницы, и я осторожно высунулась из-за стены, чтобы посмотреть вниз.

Ренар положил руку мне на плечо, словно боялся, что я высунусь больше, чем следует, и упаду – или меня заметят.

Там внизу очень смущенный мужчина в куртке, напоминающей форменную, высокий и крепкий, что-то объяснял Герхарду, виновато разводя руками. Он то и дело показывал в сторону другого человека, чуть ниже ростом, с сединой в коротких волосах, в совсем другой одежде. Даже мне, еще не слишком опытной в тонкостях и вопросах взаимоотношений этого мира, было ясно, что этот господин, за спиной которого сейчас прятался Франц, был не беден. И, возможно, влиятелен.

И очень неприятен.

Отец Франца, кажется, занимал все пространство. Он был зол и хмур, стоял, скрестив на груди руки, и почти с ненавистью поглядывал на всех остальных – кроме сына. На Герхарда, который пытался сохранять достоинство. На того, кого я считала стражником. На второго мальчишку, тоже мне знакомого, он сейчас жался к стене и совершенно точно хотел оказаться не здесь.

И на последнего героя этой сцены – тихую тонкую девуш-

ку в сером пальто.

Я не сразу поняла, почему она кажется мне знакомой, но она обернулась – и посмотрела точно в мою сторону, задержала взгляд. Отрешенное лицо сразу стало сосредоточенным, губы растянулись в улыбке, и я вспомнила, где ее видела.

Видимо, я вздрогнула так, что это можно было заметить, потому что рука Ренара крепче сжала мое плечо.

– Что такое? – прошептал он.

Я все еще молча кивком головы указала на девушку и тоже прошептала:

– Мы встречались.

Кондор помрачнел еще больше.

– Сидите здесь, – сказал он и, старательно изображая благодущие, спустился вниз по лестнице.

Люди почему-то иногда твердо уверены, что им все должно, особенно – вышестоящие и власть имущие, потому что раз уж ты обладаешь силой, будь добр заботиться о том, кто слабее тебя.

Понятное дело, отцу мальчишки не понравилось, что Герхард не решил проблему его бедового сына сразу, одним дви-

жением руки. Господин Феррано хорошо разбирался в деньгах и способах сделать их из ничего, в магии он не разбирался почти никак, поэтому свято верил, что каждый волшебник – сразу и врачеватель, и страж порталов, и предсказатель, и еще Неблагой знает кто. Он и в проблеме сына видел болезнь и первым делом потащил того к лекарю, конечно.

И уже потом – к Герхарду.

Герхард занимался лекарством, но неохотно. Чтобы лечить магией, нужно чуть больше, чем просто усилие Воли, направляющее Поток, здесь еще смотреть нужно правильно и знать кое-что, чем Герхард в студенческие времена пренебрегал. Нельзя же объять необъятное, правда? Нельзя вмешиваться в системы, которые ты не понимаешь до конца, а с анатомией у Герхарда, увы, не задалось.

Но, к счастью, у него было к кому обратиться, и когда второй мальчишка пришел, воровато оглядываясь, чтобы рассказать, что именно случилось, Герхард без труда сложил в голове картину и понял, что произошло поздним вечером у одной таверны. И понял, что об этом лучше молчать, чтобы не получить еще больше проблем.

Герхард знал, что происходит в замке в лесах, знал, чем занимается Мастер дель Эйве, знал, что у того есть покровители куда более могущественные и зубастые, чем господин Феррано способен себе представить. И как бы ни хотелось Герхарду использовать случившееся, чтобы поставить молодого волшебника на место, сотрудничать было куда бо-

лее выгодно для всех. Ну, или делать вид, что сотрудничашь.

Правда, Герхард и не думал, что отпрыск семьи дель Эйве явится по первому зову, чтобы помочь какому-то горожанину. По мнению Герхарда, кто-то вроде дель Эйве мог с чистой совестью решить, что не его это дело, и либо не помогать, либо сделать вид, что никто из них здесь не замешан. Ни он сам, ни его слуга, ни девица, которую он приволок, не то чтобы она опознала обидчика, не то чтобы ей самой показать, на что способна магия вне контроля.

В том, что это ее рук дело, а не чары, призванные защитить девичью честь, Герхард был более чем уверен. Что бы там дель Эйве ни врал. Но свое дело он сделал, пусть и намеренно оставил на мальчишке след проклятия, а в вопросы лжи и политики вдаваться не хотелось. Себе дороже.

И если быть честным, то к мальчишке Герхард не испытывал ни жалости, ни сочувствия, даже наоборот – считал, что тот получил по заслугам. Хорошо, что все разрешилось с наименьшими потерями для всех.

Плохо, что господин Феррано решил не просто все проконтролировать, но проявить самостоятельность, и сейчас посреди прихожей Герхарда стоял Ульрих Кайрен, начальник стражи, и Хёльда.

Которая, конечно, была совершенно ни при чем.

И которая, Герхард знал, вполне могла предугадать все это.

Недаром она его предупредила несколько дней назад.

– Так кого мне арестовывать? – с усталой усмешкой спросил господин Кайрен, посматривая то на Герхарда, то на Феррано. – Или, может быть, стороны уже пришли к согласию и никого арестовывать не надо? Доброго дня, Мастер Юлиан! – добавил он приветливо.

Герхард обернулся.

Мастер Юлиан спускался по лестнице к ним, почти беспечный, с доброй улыбкой, словно не веяло от него еще десять минут назад страшным холодом и презрением.

– И вам доброго дня, Ульрих, – сказал он и откинул со лба непослушную прядь волос. – Боюсь, вы лишь зря потратили время. Проблема решена. – Он бросил взгляд в сторону Франца. – И у пострадавшей стороны, насколько я понял, нет ни к кому претензий.

Франц испуганно кивнул под острым, неприятным взглядом желтых глаз и тут же посмотрел на отца, словно пытался понять, чьего гнева он боится больше. Герхард мог поспорить, что скорее все реки выйдут из берегов, чем господин Феррано признает вину собственного сына. Скажи Франц сейчас то же, что говорил наверху, ситуация осложнилась бы

еще сильнее, но, к счастью, у мальчишки хватило ума молчать о том, что случилось.

И у его друга – тоже.

– Пап, – слабо сказал Франц, дергая отца за рукав. – Я в порядке. И... – Он нервно запнулся, явно что-то обдумывая и решая для самого себя. Мастер дель Эйве продолжал на него смотреть. – Спасибо вам, Мастер, я усвоил урок, – выпалил он на одном дыхании, глядя то на одного, то на другого волшебника, словно ждал их одобрения или просил подсказки.

– Какой урок?

Глаза господина Феррано злобно сощурились.

– Что не следует в ночи излома в пьяном виде шляться, где не следует, – спокойно ответил Мастер Юлиан. – Простите мне мою прямоту, господин Феррано.

Того словно бы ледяной водой из окна облили, настолько удивленным он сейчас выглядел. Он точно хотел сказать что-то в ответ на дерзость, но не до конца понимал, с кем имеет дело.

Ульрих вмешался вовремя:

– Я думаю, господин Феррано, вам следует извиниться перед госпожой Хельдой, – сказал он строго. – Раз уж вы заставили ее прийти сюда из другого конца города. И после этого мы все разойдемся. Раз у пострадавшего лица нет никаких претензий ни к кому из присутствующих.

Хельда стояла, улыбаясь, и нервно теребила пальцами

тонкую, похожую на блестящую черную змейку косу. Когда о ней заговорили, Хельда подняла взгляд от пола и посмотрела на присутствующих так, словно только что поняла, где находится. Она казалась отрешенной, сонной и чуть грустной. Как всегда.

Когда господин Феррано, таща за рукав сына, прошел мимо нее, бросив сквозь зубы извинения, Хельда лишь пожала плечами и улыбнулась шире.

– Ну что вы, почтенный, – ответила она. – Вы лишь помогли мне оказаться в нужное время и в нужном месте.

Ее взгляд, ставший вдруг острым, устремился куда-то наверх, туда, где заканчивались ступени лестницы.

К счастью, никто, кроме Герхарда, не придавал этому значения.

Я ничего не понимала.

События развивались так стремительно, что я не могла отследить связи между ними.

Вот я стою на лестнице, на самом верху, скрытая сетью морока, и наблюдаю, как назревает буря.

Вот Кондор спускается вниз, говорит пару фраз – и буря стихает, не успев начаться. Кто-то уходит, кто-то остается, и

по тому, как смотрит на меня Герхард, я понимаю, что морок снят.

Я снова видима, хотя, кажется, невидимой я была только для тех, кто только что ушел.

Вот меня тоже ведут вниз – в личную гостиную господина Герхарда, почти уютную, почти теплую, сажают в кресло, и через какое-то время служанка приносит нам травяной чай.

Утром я чувствовала себя защищенной, сейчас это чувство исчезло, погребенное под виной, страхом, настороженностью и тревогой. И холодом, потому что все вокруг вдруг стали такими серьезными, такими отстраненными, словно чужими, и от этого я чувствовала себя еще более виноватой.

Чашка в моих руках дрожала.

Мастер Оденберг стоял, заложив руки за спину, за креслом девушки, которую мне представили как Хельду. С самого начала мне было ясно, что ему не нравлюсь я – или все те события, которые со мной связаны, но Герхард сдерживает эту неприязнь – из вежливости или из опасения вызвать недовольство Кондора. Сейчас же Герхард смотрел на мир – и на меня – почти враждебно, словно и я, и мои спутники, оба два, были источником угрозы.

Не для него.

Для той, которую он защищал.

Если честно, я его понимала.

Ренар стоял у окна, и я могла поспорить, что беспечная улыбка на его губах была абсолютно лживой. Когда я смот-

рела на него, и он это замечал, его взгляд теплел, но стоило ему переключиться на что-то другое в комнате, как это тепло сменялось чем-то другим. Недобрым. Не злым – тоже, но такому Ренару я бы себя не доверила.

Кондор сидел в соседнем со мной кресле и был подчеркнуто вежлив.

Он не злился, нет, мне кажется, он сейчас просто был чем-то сильно недоволен. Возможно – тем, что контроль над миром от него ускользал в который раз за последние двое суток? И причиной этому была я.

Я подумала, что ни за что в жизни не хочу испытать на себе его гнев.

– Леди Лидделл не сказала мне, что вы с ней встречались, – Кондор сказал это, даже не повернувшись в мою сторону.

Он смотрел на Хёльду прямо и пристально, а та под этим его взглядом ни капли не менялась. Она была все такой же слегка отстраненной и тихо улыбалась каким-то своим мыслям, словно не было ей дела ни до Кондора, ни до холода в его взгляде и голосе.

– Я не успела... – попыталась оправдаться я, но Кондор сделал мне рукой знак помолчать.

Поздно.

Взгляд светло-серых, словно выцветших глаз Хёльды сфокусировался на мне.

– Ты не была осторожна, – сказала она строго, и это было

сказано очень уверенно. Я в ответ только моргнула. – Нужно слушать то, что тебе говорят, иначе опять попадешь в беду.

Прежде, чем я успела что-то ответить, Хэльда повернулась к Ренару и сощурилась, разглядывая его. Я заметила, как на лице Герхарда, который стоял за ее спиной, появился отблеск внутреннего торжества. Он наблюдал за тем, как Ренар под взглядом Хэльды резко собрался и попытался очаровательно улыбнуться. Хэльду это не впечатлило.

– Бедный мальчик. – Она покачала головой. Улыбка стала печальной. – Я часто вижу тебя здесь, но ты избегаешь меня. Не хочешь, чтобы в тебя смотрели? – Она наклонила голову и стала улыбаться иначе. Хитрее. – А мне было интересно, чей рыжий хвост мелькает за углом. – Хэльда странно хихикнула, на что Ренар ответил плотно сжатыми губами и непроницаемым выражением, застывшим на лице. – Видеть суть людей и явлений – это тяжелое бремя. – Светлые, словно выцветшие глаза снова были направлены на меня. – Мой разум не всегда справляется, и я говорю чушь. – Уголок ее губ нервно дернулся. – Болтаю лишнее. Простите. Я здесь не за тем, чтобы разбалтывать чужие тайны. Мне нужно было что-то сделать, но я уже забыла, что именно.

Она виновато посмотрела на Герхарда.

Тот, кажется, смутился.

– Ничего, – сказал он сухо, так, словно боялся, что голос дрогнет. – Господа не торопят.

Я бы с ним поспорила, потому что мне больше всего на

свете хотелось оказаться где-то не здесь. Сидеть в замке, к примеру, и пытаться понять, что со мной произошло, а не торчать тут.

В доме человека, который не скрывал свою ко мне неприязнь.

В компании с безумной женщиной, которой было от меня что-то нужно.

Я бросила взгляд на Кондора, втайне надеясь, что он сейчас встанет, нацепит на лицо самое снобское выражение, на которое способен, и выскажет Герхарду все, что думает, но нет.

Волшебник сидел, почти расслабившись, и смотрел на Хёльду, а та смотрела на него, чуть касаясь кончиком пальца своих губ – очень детский жест, полный смущения и кокетства. «Она что-то задумала, – поняла я. – Задумала и пытается... получить разрешение?»

Кондор коротко фыркнул и откинулся на спинку кресла, словно был у себя дома.

Выражение лица Хёльды медленно менялось, ее постоянная рассеянная отстраненность сменилась испугом, затем – недоумением, а потом...

– Посмотрела? – добродушно поинтересовался Кондор.

Она кивнула, чуть приоткрыв рот, и мне стало очень интересно, что же такое она там увидела.

– Себя. – Хёльда снова обернулась ко мне – и прежней почти детской, блаженной рассеянности на ее лице уже не

было. – Я увидела саму себя, искаженную чужими представлениями о том, что я есть. Милорд тактично молчит о том, что он думает обо мне, но он позволил это увидеть.

Герхард попытался что-то сказать, но Кондор остановил его едва заметным жестом:

– Потом поговорим на эту тему. Мне интересно, что Видящая желает нам поведать.

Сарказм он даже не пытался скрыть.

– Но вы же мне не поверите, – отозвалась она.

Тоже с сарказмом.

– Я не привык доверять ничему, что погранично, это слишком зыбкий путь, милая, – ответил Кондор почти ласково. – Шаг в сторону – и ты уже не владеешь ничем, в том числе – самим собой.

– Это ваш страх.

– Да. – Кондор говорил с ней как с кем-то равным. Не как с маленькой девочкой. – Один из моих страхов. Хочешь увидеть остальные?

Ее глаза стали огромными от удивления и ужаса.

– Вот и не надо пытаться, милая.

Я осторожно поставила чашку на блюдце, фарфор звякнул, и этот звук в повисшей тишине был настолько громким, что я сама чуть не вздрогнула.

– Я должна поговорить с нездешней леди. – Хельда кивнула на меня и рассеянно расправила на коленях грубую ткань клетчатой юбки. – Вот зачем меня привели сюда. Да. Просто

вы все слишком интересны. Меня тянет смотреть в вас, как бы вам ни хотелось закрыться от меня.

Она снова посмотрела в сторону Ренара и улыбнулась ему. Тот, кажется, едва удержался, чтобы не закатить глаза. Хельда повернулась к Кондору.

– У вас есть еще кто-то рядом, ведь так, милорд? Я вижу след, и нити этой судьбы уходят недалеко. Что-то закончится, поворот уже сделан.

От этих ее слов внутри появилось неприятное, холодное чувство. Мне захотелось встать и уйти, чтобы не соприкасаться с чужим безумием – а в том, что Хельда безумна, я сейчас была уверена. Как бы они ее ни называли, чем бы она ни была в этом мире магии – она была не в себе.

Что-то мне подсказывало, что Кондор это мнение разделял. Именно поэтому проявлял такое вот недоверие.

Я выдохнула.

– Вы меня простите, – сказала я и вскочила с места. – Но мне это все надоело.

Они все повернулись ко мне, и все, кроме Кондора, были удивлены.

Кондор смотрел на меня с ленивой усмешкой и, кажется, был согласен. Но, тем не менее, он схватил меня за рукав, и его пальцы были куда менее мягкими, чем его взгляд.

– Оставьте нас, – попросила Хельда, глядя на Герхарда. – Пожалуйста, Мастер, оставьте меня наедине с...

– Но... Нет! – твердо сказала я, пытаюсь освободить за-

пьястье из хватки Кондора. – Я не хочу! Я вообще не понимаю, какого черта здесь происходит, и... Да дайте мне уже хоть слово сказать! – огрызнулась я в сторону Герхарда, который попытался меня перебить.

На лице Кондора появилось сочувствие.

– Если Видящая хочет поговорить с леди Лидделл, то она может сделать это. Но в моем присутствии.

– Да! – вытянулась я, нахмурившись на Хёльду.

Та снова растерянно улыбнулась и пожала плечами, мол, раз уж иначе не получается, то пусть хотя бы так.

– Если леди из ниоткуда доверяет своему магу, то можно и так, – покорно сказала она.

Наши взгляды встретились, и мне на миг показалось, что из блеклых глаз Хёльды на меня смотрит нечто холодное, расчетливое и видящее куда дальше и глубже, чем я думаю.

– Не переживай, милая, – с какой-то слишком уж нежной улыбкой сказал Кондор в сторону Хёльды, когда Герхард и Ренар вышли из гостиной. – Я буду молчать, словно меня здесь нет.

Видящая очень хотела казаться неопытной и тихой, но на

самом деле, конечно, это была тонко сыгранная ложь. Сколько ей? Двадцать два? Двадцать пять? Герхард точно говорил про нее пару лет назад, рассказывал, как она впервые пришла к нему, точнее – как ее привели родители, бледную, потерянную где-то в глубине собственного сознания.

Отличный пример того, как вовремя не распознанный дар изъедает человека и подводит его к зыбкой границе, за которой лежит бездна и все то, что в этой бездне живет.

Кондору она не нравилась.

Не только потому, что ему было неуютно от ее дара – способности смотреть через тьму и видеть в ней знаки будущего и отсветы прошлого. Здесь любому станет достаточно неуютно, стоит лишь осознать, что вся твоя жизнь, от колыбели и до могилы, вдруг может открыться чужим глазам.

Кондору не нравилась сама Хёльда.

От нее веяло границей, близостью безумия, всем тем, что привлекало Изнанку и ее обитателей. Будь его воля, он предпочел бы держаться от Хёльды подальше и тем более не подпускать ее к леди Лидделл. Но если уж все так сложилось, если Хёльда была в тот вечер рядом – почему бы не послушать, что она скажет?

В отсутствие других ответов на важные вопросы даже такой ответ мог оказаться полезным.

Мари, впрочем, не была заинтригована. Неудивительно, она не деревенская дурочка, которой хочется узнать, когда ей замуж и сколько будет детей. Ей, понятно, совсем не нра-

вилось находиться здесь, и ее протест против того, чтобы остаться один на один со странной девушкой, говорящей странные вещи, был Кондору понятен.

Вполне возможно, что она тоже уловила отвратительное ощущение близости границы, близости потери контроля над силой. Еще один неприятный урок, который может спасти ее в будущем.

Когда Хёльда попросила ее снять с шеи цепочку с кристаллом, Мари бросила на Кондора прямой взгляд, словно спрашивала разрешения, и расстегнула замочек только после кивка волшебника.

От Видящей, кажется, это не ускользнуло.

Кондор подумал, что она удивительно талантлива в том, чтобы скрывать свою наблюдательность за рассеянностью.

– Зачем вам это? – спросила Мари Хёльду. Она почти по-детски хмурилась и была очень серьезна. – Если уж серьезно, то я бы не хотела знать будущее, и...

– Неужели тебе неинтересно узнать, что ты такое? – Хёльда улыбнулась ей и подалась вперед. – И что тебе предстоит испытать...

– Может быть, интересно, – ответила Мари, хмурясь еще больше. – Но я предпочту не знать, чтобы не испортить сюрприз. Особенно, если это будет очередной плохой сюрприз.

Кондор едва удержался, чтобы не хмыкнуть.

На лице Хёльды появилось сочувствие.

– Пророчества туманны, – сказала она. – Они не дают чет-

кой картины будущего, лишь показывают варианты его развития и предостерегают от ошибок...

– Ага, – ответила Мари. – Я знаю.

Ее голос звучал твердо, едва не насмешливо, но руки, сжавшие подлокотники кресла, были очень бледными. Леди Лидделл боялась. Ничего удивительно – после всего, что с ней произошло за последние сутки, она имела полное право бояться.

Правда, боялась она совершенно по-своему.

Как тогда, стоя с канделябром на пороге его кабинета.

– На тебе печать той стороны, – сказала Хёльда.

Мари хмыкнула: еще бы, уж что-что, а это она хорошо знала.

– Та сторона так просто не отпускает, девочка, и теперь тебе нужно быть еще более осторожной с любыми границами, – Хёльда провела рукой перед лицом девушки.

На взгляд Кондора это было ровно то же, что цветные искорки магии. Действие, чтобы впечатлить. Видящая и без этого все хорошо считывала, уж щиты Ренара она пробивала отлично – особенно для самоучки.

Хёльда замялась.

Она смотрела в лицо леди Лидделл, как в зеркало. Она, кажется, пыталась дышать, как леди Лидделл, моргать, когда та моргала, повторять каждое ее мелкое движение.

– Но Сила, которая стала твоим проводником, которой ты нужна, – сказала Хёльда тише. – Я видела темных духов во-

круг тебя, когда мы встретились впервые, и этот волшебник их тоже заметил. Ты так интересна, милое дитя, они тянутся к тебе. Все тянутся к тебе. И тот, чья воля привела тебя сюда. – Тут Хёльда повернулась в сторону Кондора, и, к его искреннему изумлению, её глаза вдруг закатились. – И те, против чьей воли ты восстанешь.

Хёльда вошла в транс. Настоящий транс – не игра на публику, к которой часто прибегают такие же, как она, чтобы произвести впечатление на кого-то, кто им не верит.

Нет: руки Хёльды дрожали, она то напрягала кисти так, что пальцы изгибались, как птичья лапа, то наоборот – распрямляла ладонь, пыталась скрестить воздух, хватать что-то невидимое. Венки на лице вздулись, веки судорожно дергались – такое сложно сыграть.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.